

В. Г. ЧЕРНОБАЕВ

Политические пародии в старой польской литературе и на Западе

ГЛАВА I

Ряд русских произведений, публикуемых ниже В. П. Адриановой-Перетц, представляют собою копии, снятые с рукописей, хранящихся в разных собраниях — библ. им. Ленина, Лавр., ОЛДП, Всенародной библиотеки Украины в Киеве, Саратовского университета; в них делается попытка использовать облик традиционных молитв для целей политической сатиры. Даже беглого взгляда на эти вещи достаточно, чтобы убедиться, что произведения эти должны были возникнуть в весьма различной среде — как в социальном, так и в этнографическом (языковом) отношении. Об этом наглядно свидетельствует хотя бы сравнение «канцелярского» языка в «Плаче коллежских и титулярных советников» с довольно отчетливо проявляющимися чертами стиля более архаического в обращении к «непобедимому королю Фридрику». Эти произведения возникли в среде «безыменной», лишенной стремлений к авторской славе, «неученой», не пробовавшей даже сколько-нибудь последовательно воспроизводить литературную манеру позднего классицизма и вольтерьянства, в частности, — так и особенно то, что хронологически в разных других литературах произведения подобного типа возникли значительно раньше, чем появились учения так наз. рационалистической философии и выступили первые авторы ярких пародий и сатир на духовенство. В виду того, что целый ряд из указанных произведений представляет собою переводы (и притом с польского — я имею в виду: «Молитву Тарговицкую для вседневного отправления, всем верным России преданным, изданную», и другие русские произведения, связанные со временами Тарговицкой конфедерации), тем самым вопрос приобретает более широкую основу, и представляется необходимым рассмотреть как общий характер этих произведений (идеологический и внешний), так и вопрос о приблизительном хотя бы времени их возникновения. Можно

с уверенностью утверждать, что хотя некоторые из этих «молитв» возникли на русской почве лишь в самом конце XVIII в., однако появление их в Европе следует отнести к гораздо более раннему времени; Франция и Италия были странами, где они получили, повидимому, наиболее раннее развитие.

На Западе произведения эти возникли первоначально в среде, близко связанной с духовенством, и не ставили тогда своей целью выдвижение более широких общественно-политических вопросов. Вероятно, учащиеся монастырских и капитульных школ были главными сочинителями этих стихов, по большей части лишенных какой-либо отделки; эти школьные авторы не имели никакой возможности конкурировать с высоко уже тогда развитой рыцарской поэзией и выступали по большей части безыменно. Они имели возможность близко присмотреться к разным недостаткам тогдашней жизни духовенства, и это, прежде всего, нашло свое отражение в их безыскусственных стихах. Лишенные более широкого художественного кругозора, оторванные, в основном, от античной традиции, эти школьники не могли создать прочного нового литературного жанра. Однако, хорошее знание латыни, которое они получали в школах, и близость латинского языка к их родному в романских странах, — позволяли им достигнуть в этих произведениях того своеобразного интимного переплетения родной и латинской речи, которое тогда являлось неотъемлемой частью этих произведений, основным литературным приемом, применяемым ими: так хотелось бы сказать, хотя и рискованно было бы утверждать, что в то время у школьников уже существовали сознательно выработанные литературные приемы. Уже когда эти стихи делались достоянием «жонглеров», мы видим, как уграчивалась, стиралась по крайней мере, эта интимная близость между латинским и родным языком. Если так было во Франции и в Италии, то тем более это справедливо в отношении стран не-романских — германских и славянских, где культура латинского языка не могла не ощущаться как нечто чуждое, органически не связанное с историческим развитием своего родного языка. Неудивительно поэтому, что там произведения этого типа возникают позднее и уступают романским странам как в качественном, так и в количественном отношении.

Во Франции эти стихи датируются по крайней мере уже XII в., причем довольно рано родной язык вводится там не только в качестве рефрена в поэмах, писанных по латыни, но и включается в самый основной текст.¹

¹ См. Pivonen, Eero. Parodies de thèmes pieux dans la poésie française du moyen âge. Textes critiques précédés d'une introduction. Helsingfors, 1914, стр. 26.

Авторы, воспитанники церковных школ, рано начинают признавать равные права обоих языков и с одинаковым искусством владеют ими.¹ Что касается содержания этих в более раннюю эпоху возникших пародий, то оно было довольно случайным, представляло сатирические выпады против разных лиц и осмеяние их недостатков. Напр., в одной поэме, относящейся к 1170 г., *La Patrenostre en françois* (поэма эта содержит более тысячи стихов), заключены среди прочих размышлений выпады против пристрастия женщин к роскоши в одежде.² Другие авторы, избирая своей формой «Отче наш» или «Верую», трактовали в этих рамках такие «старые» темы, как вино и любовь, притом трактовка эта, разумеется, шла совершенно в разрез с установившимся взглядом на эти сюжеты в современной им рыцарской поэзии. Примером подобного рода поэзии может служить такой отрывок:

La Patrenostre d'amours

Pater noster. Dieus! por m'amie
 Qui m'a mis en si dure vie
 Que je ne puis a li parler,
 He, Dieus, qui m'i porra aler
 .Et dire li que je li mant
 Que je suis son leal amant?
 Qui es in celis. A grant peine
 Me tieng im jor en la semaine
 De li vëoir ou tempre ou tart;
 Si m'est avis, quant je me part
 De li, que je doïe morir;
 Mès toz jors me covient souffrir.
 Sanctificetur. Douce dame,
 Qui es sauveresse de m'ame,
 Quant del cors me departira
 Et li angeles l'en portera,
 Dame, se deveniez m'amie,
 Mout en seroit mieudre ma vie.
 Nomen tuum. Veraiement
 M'est vis qu'ele est apertement
 La plus belle; droiz est qu'el l'oe;

¹ Ibid.

² Ibid., стр. 22.

Autressi fet le jor l'aloë;
 Que la chose c'on aime bien
 Doit l'en loer sor toute rien.
 Adveniat¹

Другой отрывок может дать представление об использовании средневековым поэтом традиционной роли молитвы для выступления против злоупотребления спиртными напитками; в нем также слова молитвы служат только обрамляющим рифменом, который почти совсем не связан с трактуемой темой. Это, конечно, свидетельствует о примитивной еще технике, которую лишь в состоянии был применить безымянный поэт.

Pater noster, biaux sire Dieus,
 Quant vins faudra ce ert granz deuls;
 Toutes joies, toutes valors
 Seront en lermes et en plours.
 Qui est in celis. Clerc et lai
 Ne diront ja mès son ne lai,
 Quar en vin a trop de deduis:
 Vins fet les sons et les conduis.
 Sanctificetur. Li bons vins
 Que je bui l'autr'ier a Parvins
 Me mist au fons de mes greniers.
 Nomen tuum. Li taverniers
 Au departir m'atorna tel
 Qu'il me geta de son ostel.
 Adveniat. Se j'ëusse auques,
 Il ne m'en getast devant Pausques.
 Fiat. Par Dieu, je il ai saus
 Por vint et deus denièrs deus sans.
 Voluntas tua. Mout me grieve,
 A poi que li cuers ne me crieve,
 Sachez bien. Sicut in celo.
 De son oster pas ne me lo,
 Ainz m'en plaing mout. Et in terra.
 S'il i gaaigne, il le verra.
 Panem nostrum. J'ai trop mal dit,

¹ E. Pivonen, op. cit., стр. 139.

Quant il m'estrait sank contredit
 Le bon vin qui la dolor m' ste;
 Dont ne doi je bien a mon oste —
 Cotidianum — bailler gage...¹

Значительно более высокий уровень поэтической культуры и стихотворной техники находим в стихотворении «Pater noster en quatrains», которое представляет собою не столько пародию, сколько увещание, обращение к современникам с требованием исправиться. Этот тип стихотворения оказался чрезвычайно живучим; он будет позднее приспособляться к разным условиям политической и социальной жизни и переходить из страны в страну. Исследователь справедливо отмечает, что уже и для этой ранней эпохи, о которой у нас сейчас идет речь, трудно установить грань между собственно сатирической трактовкой предмета и подобного типа «увещательными» жалобами — «плянками», как их позднее будут называть в Польше.² Часто здесь выступления резко сатирические чередовались и переплетались теснейшим образом с такими «увещательными» жалобами; этому не следует удивляться, если принять во внимание, что тогда понятие литературного жанра в современном смысле еще не было выработано. Приводим отрывки из указанного выше текста:

Pater noster qui es bien sage,
 Tu es digne d'estre loués,
 Car lassus as fait ton estage
 Et tres bien hault t'ies encroés.

In celis.

Present en nous tout mal habonde,
 Chascun est plain d'orgueil et d'ire.
 Il n'a pas celui en cest monde
 De qui l'on peust proprement dire:

Sanctificetur.

Car pour le temps qui ores court,
 Celui qu'il fault mieulx aprisier

¹ Ibid., стр. 118—119.

² Ibid., стр. 37.

C'est qui mieux peut flater a court
Et toy jurer et mesprisier.

Nomen tuum.

Dieu droicturier, je te supplie
Qu'a ceux qui vivent faulcement
De rappine et de pillerie
Male meschance haultement.

Adveniat.

Car il n'y a qui de bien cure
Ne qui en toy mette s'entente,
Mès cuident bien que par droicture
On leur doye bailler de rente

Regnum tuum.¹

.

Наконец, своеобразный вид пародии выступал уже в раннюю эпоху в тех случаях, когда нашему автору рамки традиционной молитвы казались слишком узкими: в этих случаях, стремясь расширить повествовательный элемент в своем изложении и основательнее мотивировать те факты, которые потом будут даны в основном обращении, он присоединяет особое «вступление» к своему произведению, либо иногда делает обширные отступления разъяснительного характера. Все это должно было свидетельствовать о значительном развитии авторской инициативы (хотя не всегда параллельно с этой инициативой развивались и поэтические способности авторов этих вещей), и во Франции даже произведения этого типа отнесены к несколько более позднему времени, примерно к XIII в. Приведем отрывки одного из них.

La Patrenostre à l'userier

Por chastoier la riche gent
Qui plus aiment or et argent
Qu'il ne font Dieu ne sainte Iglise,
Li ci un poi m'entente mise
A rimoier et a conter

¹ E. Puvion, op. cit., стр. 152—153.

Ice que j'oï raconter
 A mestre Robert de Chorson,
 A Paris, en un sien sermon,
 Con fetement li userier
 Va au moustier por Dieu proier.
 Li useriers est main levez,
 Trestoz ses huis a desfermez
 Por savoir s'aucuns i venist
 Qui deniers emprunter vousist.
 Lors se chauce, si s'apareille,
 Sa fame et sa baiasse esveille:
 «Levez tost sus, jel vous commant,
 Et s'il vient celnz qui demant
 Deniers a emprunter sor gage,
 Gardez que n'i aie domage;
 Ainz venez erraument por moi
 A cel moustier tout en requi.
 Je n'i ferai pas grant demeure,
 Quar l'en pert bien en petit d'eure».

A tant s'en ist de sa meson,
 S'a commencie s'eroison:
 «Pater noster, biaux sire Dieus,
 Donez moi que je sois tieus
 Que je puisse par mon avoir
 Et le los et le pris avoir
 De gaaigner et d'amasser
 Tant que je puisse sormonter
 Trestoz les riches useriers
 Qui onques prestais-ent deniers.
 Qui est in celis. Mout me poise
 Que je n'i fui, quant la borgoise
 Vint çaienz emprunter deniers.
 Mieux vousisse que li moustiers
 Et li prestres fussent fondu
 Que g'i eüsse tant perdu.
 G'i ai perdu, jel sai sanz faille,
 Le vaillant de deus et maaille,
 Qu'ele volt emprunter cinc sous.

Je m'en puis bien tenir por fous
 Quant je vois a outrui moustier
 Ou je ne puis rien gaaigner:
 Sanctificetur¹

Дальнейшее развитие этот тип стихотворной пародии стал получать лишь тогда, когда он перестал быть исключительным достоянием клерикальной среды и сумел, кроме того, довольно тесно связаться с крупнейшими политическими событиями своего времени, — быть откликом на них, созданным в пылу политической борьбы, достигавшей в отдельные моменты чрезвычайного напряжения. Вообще говоря, главное различие между первым этапом в развитии этих стихотворных пародий и последующими в том и заключается, что сначала трактовались лишь шуточные и эротические сюжеты, а в позднейшее время откликались и на политические события.² Так, для Франции можно сказать, что в XII и XIII вв. там преобладал первый тип пародий, а с XIV в. решительный перевес начинает одерживать второй тип.³ Нужно заметить, что в развитии этого типа произведений Франция опередила другие страны. В виду того, что и на русской почве из интересующих нас в данный момент произведений, публикуемых В. П. Адриановой-Перетц, по крайней мере два представляют собою такого же типа отклики на крупные политические события, необходимо обратить более пристальное внимание на этот второй этап в развитии данного типа пародий. Нельзя, правда, отрицать того факта, что спорадически они и на Западе, в частности во Франции, появлялись уже в XIII в.; так, сохранилось известие, что жители г. Парма воспели в рамках церковного песнопения победу, которую они одержали над Фридрихом II в 1248 г. Само собой разумеется, что, как большей частью бывает в таких случаях, возникновение этой песни не могло бы иметь места во времена, значительно отдаленные от момента, когда произошло указанное событие. Но особенно богато крупными политическими событиями XIV столетие во Франции, и не случайно, конечно, именно тогда возникло так много песен политического содержания, которые вставлены в рамки молитв и латинских гимнов. Борьба за Metz, которая имела место еще в первой половине XIV в. (1324 г.), послужила уже предлогом для возникновения ряда таких произведений.

¹ E. Puvonen, op. cit., стр. 66—67.

² Ibid., op. cit., стр. 34

³ Ibid.

Опубликовано пять таких произведений, содержащих много намеков на происходившие тогда события.¹ Впрочем, однако, естественно, что наибольшее влияние на развитие подобного типа произведений должны были оказать события столетней войны, ибо, как известно, война эта принесла множество бед всей Франции и привела к небывалому до тех пор обострению классовой борьбы. Французская конница была разбита английскими стрелками у Пуатье (Poitiers); король Иоанн Добрый стал английским пленником. Английские феодалы, во главе с Эдуардом III, разоряли целые французские провинции; одновременно поднялись сильнейшие крестьянские восстания. Интересующая нас литература, возникающая в условиях такого острого политического кризиса, отражает горестные переживания французских рыцарей в связи с испытанными поражениями. Таково хронологически, повидимому, самое раннее из этого рода произведений: «La complainte sur la bataille de Poitiers»; оно возникло, вероятно, под свежим впечатлением испытанного там поражения, т. е., примерно, около 1356 г.² Если в этом стихотворении еще преобладает элемент рефлексивный, то в некоторых последующих гораздо ярче выступает обличительная тенденция. А эпоха, с ее разложением средневекового рыцарства, бурными политическими событиями и яркими проявлениями классовой борьбы, давала много материала для таких обличительных выступлений. В это время сильно увеличилось число безымянных авторов, пытавшихся отозваться в безыскусственных стихах на волновавшие их события. И в XV в., который для французской литературы, по отзывам специалистов, представляет собою переходную эпоху, как и XIV в., продолжались, хотя и в меньшей степени, попытки передать свои «увещательные» жалобы или сатирические выпады в форме молитв.

Это, однако, не было для Франции новым этапом в развитии данного типа. Основное направление оставалось то же, что и в XIV в.; различие заключалось лишь в том, что теперь больше обращалось внимания на внутренние отношения; примером может служить «La Pater nostre du commun peuple selon le temps qui court», в котором содержатся такие жалобы крестьян на то, что они обязаны кормить и сенжоров и духовенство:

Pater noster, que ferons nous
Entre nous povre laboureaux?

¹ См. «La Guerre de Metz en 1324», publiée par E. de Bouteiller et F. Bonnardot, Paris, 1875; E. Ivonen, *op. cit.*, стр. 35.

² См. Bibl. de l'École des Chartes, t. XII, 1851, 257; E. Ivonen, *op. cit.*, стр. 37.

Nous portons tous dessus nous
 Ces prestres gentys, jeunes et vieux,
 Et puy après qui ont tot pryns,
 Nous sumes povre sufferteux
 Enver toy qui es in celis.¹

Таким образом, здесь впервые социальный элемент получает столь значительные права в данном типе произведений.

Приданием сюда социального момента основное развитие данного типа произведений на французской почве почти исчерпывается. Нельзя, правда, сказать, чтобы не было попыток подобного творчества и в последующие эпохи: так, известно, что в XVII в. сочинялись сатирические песни этого рода (с ярко политическим содержанием), направленные против Ришелье и Мазарини; а в XVIII в. именно во Франции сочинялось множество пародий на библейские тексты; с прежней безымянной литературой, однако, пародии этого типа не имели почти ничего общего: слишком ярко отразилась в них индивидуальность большинства создававших их авторов. Вообще же слишком велико было развитие основных литературных жанров в эти эпохи, чтобы в них могло по-настоящему уместиться и творчество подобного рода. Продолжая же свое существование вне этих рамок, оно неизбежно осуждено было на вымирание.

И в Германии, при раннем значительном развитии так наз. религиозной лирики, в той же среде не могло не возникнуть стремление использовать так или иначе рамки молитвы и гимна для целей, к ним непосредственного отношения не имеющих; так, напр., некий представитель духовенства Гартман сделал попытку изложить «Символ веры» в виде обширной поэмы, в которую он включил множество самых различных теологических объяснений. Указанная поэма была написана этим, судя по всему, монахом уже примерно около 1160 г. В основном, однако, в нем преобладало стремление к аскетизму, поэтому характер его поэмы не столько сатирический, сколько назидательный.² Так он рисует яркую картину жизни знатного рыцаря, но все это лишь для того, чтобы показать, что окружающая его роскошь вредно отзывается на его нравственном мировоззрении. Однако, в другом своем сочинении «Напоминание о смерти» он уже стоит гораздо ближе к собственно сатирическим произведениям. Здесь содержатся весьма острые выступления против безнравственной жизни многих представителей церков-

¹ A. de Montaiglon. Recueil de poésies françaises des XV et XVI siècles, стр. 38.

² Фогт и Кох. История немецкой литературы, СПб., 1901, стр. 84.

ных кругов; автор, однако, ничего не мог противопоставить этому, кроме традиционных призывов к аскетизму. В Германии, при значительном развитии церковной лирики, уже также довольно рано появились паразфразы наиболее популярных молитв и заповедей; так Генрих из Кролевца (Heinrich von Krolewiz) сочинил уже в середине XIII в. такую переделку «Отче наш». Эта переделка, представляющая собою обширное произведение, распадающееся на неравные отделы, не была, однако, первой на германской почве, как это ошибочно предполагал сам автор. О предшествующих обработках того же характера см. у Гедеке.¹ За этими переделками должны были последовать уже вещи пародического характера, как то было и во Франции. Действительно, говоря об одной такой малоудачной пародии на «Отче наш», немецкий ученый добавляет: «Lehnliche Profanierungen des Vaterunsers in der altdutschen Poesie liessen sich in grosser Anzahl nachweisen.»²

Недостаток соответствующих текстов в наших библиотеках не дает возможности сказать о них подробнее, но можно отметить здесь все же некоторые пародии на основании того, что говорят о них немецкие ученые; сюда относятся, напр., «Der Vub'n Pater noster», опубликованный Лясбергом;³ далее «Ave Maria» и «Pater noster», напечатанные в «Germania», т. XIV, стр. 405 и 407; наконец некоторые пародии на псалмы и библейские тексты, о которых говорится в цитированной уже выше работе Лясберга и в книге Гофмана (Hoffmann) «Geschichte des deutschen Kirchenliedes», стр. 168.⁴ Общей особенностью всех этих произведений было то, что они принадлежали еще к первой фазе в развитии этого типа вещей — содержали сатирические выпады против пьянства и распущенной жизни, но в них не было еще настоящей попытки отозваться на крупнейшие политические события своего времени... В XIV и XV вв. и в Германии произведения этого типа стали служить целям политической сатиры и откликаться на злобу дня. В создании их участвовали как некоторые более или менее известные авторы, так и лица, о которых до нас не дошло никаких сведений. Очевидно, что авторы этих пародий в подавляющем большинстве случаев

¹ K. Goedeke. Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung aus den Quellen. Erster Band. Dresden, MDCCCXXXIV, стр. 129 и др. См. также Francesco Novati. Studi critici e letterari, Torino, 1889; в этом сборнике его статей помещено ценное исследование на тему: «La parodia sacra nell'e letterature moderne», стр. 177—310.

² Altdutsche Handschriften..., Laup, 1864, стр. 8; F. Novati. Studi critici e letterari, стр. 205.

³ Lassberg. Altdutscher Liedersaal, т. III, стр. 551, и Novati, op. cit.

⁴ См. также Novati, op. cit.

не смотрели на них как на акт серьезного творчества; с другой стороны, в этой области церковная лирика легко сливалась (через выступления так наз. «вагантов») с чисто народной устной традицией и приобретала своеобразный последний безыскусственный, безыменный характер. При таких условиях часто нет возможности на германской почве провести грань между собственно сатирическими произведениями и другими песнями, в которых также затрагиваются политические темы. Конечно, по сравнению с богатым расцветом рыцарской поэзии на германской почве в предшествовавшую эпоху, творчество это свидетельствовало о значительном упадке; но упадок этот носил лишь временный характер и был результатом происходившего там глубокого изменения в соотношении классовых сил. Ряд этих произведений отличался «сухим репортерским тоном» и слабой технической отделкой; но их авторы по большей части были живыми свидетелями событий, о которых они трактовали, и потому выходящее из-под их пера сочинение носило все черты такой злободневности: было проникнуто острой ненавистью и презрением к противнику и часто содержало грубые выпады против него.¹

Эпоха реформации содействовала развитию политического типа произведений в Германии (сюда относятся в особенности различного типа диалоги), но особенно благоприятной почвой для развития собственно сатирических произведений было время тридцатилетней войны. Правда, дошедшие до нас произведения более крупных авторов заслоняют здесь менее отделанную безыскусственную традицию, однако, и в них иногда можно без труда отыскать следы влияния той же традиции. Характерны с этой точки зрения написанные уже в 1613 г. Авраамом фон Дона «Складные исторические стихи о нескладном рейхстаге 1613 г.» (*Historische Reimen von dem ungereimten Reichstag, Anno 1613*). Здесь были подвергнуты жестокому осмеянию князь и прелаты, собравшиеся на Регенбургское совещание для избрания в римские короли Фердинанда. Сатира была написана под свежим впечатлением происходивших бесплодных переговоров. Она состояла из свободных александринов, соединенных в двустипхи.² Каждому из главных участников этих переговоров Дона стремился таким путем дать свою злостную характеристику. Немного спустя в Польше этот тип сатиры получил широкое распространение. Таким путем там были подвергнуты злостному осмеянию избрание в короли Августа III, заседания Радомской конференции и др. Во всех посвященных этим событиям произведениях упорно держалась та же литературная

¹ См. Форт и Кох, *op. cit.*, стр. 269.

² *Ibid.*, стр. 371.

традиция. Наступившие вскоре бедствия тридцатилетней войны вызвали разные «плянкты и жалобы», в которых оплакивалось тяжелое положение страны. От позднейших и современных им польских элегий этого типа данные, возникшие на германской почве, произведения отличаются тем, что их пишут не только «безыменные» авторы, но и некоторые очень крупные писатели. Юлий В. Цинкгреф написал такое «увещание», в котором довольно безыскусственными стихами описывает бедствия тридцатилетней войны и в то же время, на манер позднейших конфедератов, пытается возбудить своих соотечественников «к новым подвигам и самопожертвованию».¹ В противоположность ему, один из крупнейших немецких писателей своего времени, Мартин Опиц, пытался в своем «Панегирике богу войны» (1628 г.) блеснуть перед читателями ученостью и в духе барокко переобременил свое стихотворение целым рядом мифологических уподоблений. Не меньшее значение имели написанные Опицом «Утешительные стихотворения в превратностях войны» (1633 г.).² Придерживаясь того же напыщенного стиля, он пытался возбудить в своих евангелических единоверцах бодрость и надежду на лучшее будущее. Этот слабо обоснованный оптимизм, странно звучащий среди общего развала и разорения, весьма свойствен и целому ряду польских стихотворений того же типа. Здесь можно было бы говорить о некотором непосредственном воздействии, коль скоро известно, что Опиц имел одно время довольно тесные связи с поляками: после Пражского мира он переехал из Силезии в Торн, где ему удалось получить расположение короля Владислава IV. Он написал не дошедший до нас панегирик в его честь и получил от него звание придворного историографа. Правда, эти милости не помешали ему сделаться тайным агентом Швеции на польской территории, но во всяком случае культурные связи его с Польшей были достаточно тесные, и влияние некоторых его вещей на польскую политическую лирику XVII и начала XVIII в. — вещь вполне возможная.

И в более позднюю эпоху такие крупные политические события, как осада Вены турками в 1683 г. или семилетняя война, находили свой отклик в литературном творчестве сходного типа. Однако, произведения эти, в виду богатого развития уже в то время собственно художественной литературы, перестали удовлетворять вкус более взыскательных читателей.

¹ Ibid., стр. 342.

² Ibid., стр. 345. См. о нем также Fr. Streheke. *Martin Opitz. Eine Monographie.* Leipzig, 1856; K. Goedeke, op. cit., В. III, стр. 37—51.

В Италии сохранились самые старые переделки молитв от второй половины XIII в.¹ Сюда относится «Pater noster», опубликованный впервые Гозадини (Gozzadini) по Боловской рукописи 1276 г.² Текст его вышел, несомненно, из церковных кругов, находившихся уже по тому времени на довольно высокой ступени культурного развития. Другие более ранние переделки разных молитв были опубликованы Тоблером (Tobler).³ Все они еще не могли носить резко сатирического характера, а тем более не были в состоянии принять облик политической лирики. Во всяком случае собственно пародий на молитвы на итальянской почве от XIII и XIV вв. не сохранилось, хотя это, конечно, еще не значит, что их вообще там не было тогда.⁴ В XV в. появляется в Италии ряд стихотворений, в которых форма молитвы избирается для трактовки таких тем, как вино, любовь и т. п. Примером может служить стихотворение, озаглавленное в рукописи: «Poesie antiche volgari, sacre e profane» и относящееся примерно к 1479 г.⁵

Per omnia secula seculorum,
 O vagher anima mia,
 Alla tua signoria
 Dirò: beati quorum.
 In eternum cantabo
 Collo piocor fervente;
 Nomen glorificabo
 De Dio omnipotente
 Che te criò di niente
 Posete in tanta altura;
 Ilgli è per iscriptura
 In capite metrorum
 Expectans expectavi
 D'essar tuo seruidore;
 Cursumque consummavi
 Colle virtù del core;
 Nel supremo amore

¹ Novati, op. cit., стр. 197.

² Atti e mem. della R. Dep. di storia patria per le prov. di Romagna, S. II, v. II, 1876, стр. 204.

³ Giorn. di fil. rom., v. II, стр. 122 и сл.

⁴ См. Novati, op. cit., стр. 206.

⁵ Ibid., стр. 207—208.

Non posso (ora) venire:
 Deh, vogliame exaudire,
 Deus, deorum!
 Respice in facies,
 Oimè, che tanto t'amo
 Et sicut frigus glacies,
 Jo sì te (sola) bramo;
 E como pescio all'amo
 Starò in tua balia,

.
 Ut servi dominorum.
 Adiutor meus esto,
 O dolce mio tesoro;
 Et in te memor esto,
 Perte languescho e moro
 E' poi nel primo coro
 (Starò) post Cherubin;
 Sotto li Seraphin,
 Summi celi celorum.

Вскоре, однако, итальянские авторы перешли к сатирической трактовке тем гораздо более глубокого содержания. Необычайному развитию этого рода произведений в Италии содействовали специфические условия политической жизни там в XV—XVI вв. Уже в сущности начиная с XIII в. здесь произошло много политических событий, которые так или иначе получили свое отражение в литературе: упадок республик, крестьянские волнения, победы и поражения во внешних войнах, — все это давало обильный материал для выступлений в литературе.¹ Но с того времени, как Карл VIII стал править в Неаполе, литература эта приобрела гораздо более широкое распространение, отзывалась на такие события, как возмущение флорентинцев, поражение арагонцев, иностранное нашествие и вызванные им бедствия. Одно из самых старых стихотворений этого рода возникло в начале XV в. и повествует о бедственной судьбе ломбардских жителей.²

¹ См. Novati, *op. cit.*, стр. 216.

² «Pater noster» de Lombardi. *Giorn. di filol. rom.*, v. II, n. V, 1873, стр. 121—147, и Novati, *op. cit.*, стр. 217—218.

Audi il supplitio de nuy poveri Lombardi
 Chi da Guasconi Francesi et Pichardi
 Crudelmente sciamo straciati:
 Deh, non guardare a nostri gran pecati,

Qui es in coelis.

Quando lor veneno in le terre nostre
 Tanto pietosi et honesti se fano
 Che pareno con soi oficioli inmano

Sanctificetur.

Poy che in casa sono arrivati
 Pareno orsi et leoni descadenati:
 Blastemano como cani renegati

Nomen tuum.

Poy subito comentiano a cridare:
 «Baliate le claves del granare,
 Et quella de (la) casa et del solare

Adveniat.

Fan(o) poy de nostri ben tal masarfa
 Questa crudel et perfida genfa,
 Che in un giorno se consumarfa

Regnum tuum.

В Венеции, где частые политические бури сменяли одна другую, видим, что создается целый ряд произведений, ибо свежие события часто вытесняли из памяти предшествовавшие. Все эти вещи носили вполне злободневный характер. Против дома Сфорца составилась союз крупнейших европейских властителей того времени, и казалось, что он готовился навсегда уничтожить могущество этой республики. В такой критический для нее момент в политической лирике ее стали преобладать печальные тона, столь ярко напоминающие позднейшие выступления конфедератов; как и у последних, мы видим тут сильную привязанность к своей стране и выражение надежды на то, что, вопреки всем постигшим ее теперь бедствиям, ее ожидает со временем лучшее будущее. Только форма в этих

произведениях венецианцев более разнообразная, свидетельствующая о том, что мы тут имеем дело едва ли не с высшим моментом в развитии данного рода политической лирики в Европе:

El gran dolor del popul venetiano
 presento inanti a te con tristi pianti;
 exaudi anchor: da lui non star lontano,

Pater noster.

Del qual in gran dolor li tristi canti
 rivolti son se non è il tuo favore:
 deh fa che se ralegran tutti quanti,

Qui es in celis.

Non li mandar adosso il tuo furore
 et la tua ira anchor da quel rimuda
 et fa che lo tuo nome in grandò honore

Sanctificetur.

Et non voler che questa gente cruda
 regni sopra di lui, si nobil stato,
 la qual biastema più che non fe'Giuda

Nomen tuum.

Tuttal l'Italia bella ha desipato
 questa gente crudel, acerba e dura
 fa che'l tuo sochorso, o dio increato,

Adveniat.

Questi malvagi han posto la sua cura
 volerlo consumar: se questo fosse
 consumpto poi saria cho gran paura

Regnum tuum.

Farem che usar non potran le sue posse,
 ma mutaremo il suo voler perverso;
 cusì prego il factor che mi riscos(s)e,

Fiat.

Et poi che lo suore sarà sumerso
 et lo suo popul posto in abandono
 sarà (s)piegado alhor con parlar terso

Voluntas tua.

Ma quella a lui non li dirà perdono,
 mentre che quel con tradimenti han tolto
 non daran et in terra haran tal dono

Sicut in celo.

Non è nisun del suo peccato s(c)iolto,
 ce quel che è mal robato non se rende,
 como nel ciel il suo camin è tolto

et in terra

Ma post porano, spiero, sue facende,
 percoteransi il pecto in gran dolore
 quei che manzar credean ne'nostre tende

panem nostrum.

Dispartiransi poi con gran rumore
 non aspetando alcun il suo fratello,
 Et piu che lhor haran un tal ranchore

quotidianum;

Che per dispeto con il suo coltello
 se occidran et quei che rimarano
 non cercaran de dir: Il tuo piatello

Da nobis (h)odie.

Et sarà, spiero, im manco de un mezo ano
 tanta destrucion che alcun di loro
 in zenochion con voce umil dirano:

Dimite nobis.

Non è si bee veder de anzoli un choro
 qual sarà quello de'presoni presi;
 farangli poi pagar nel nostro foro

Debita nostra.

Non si credean star più de doi mesi,
 disfar Venetia et cun le nostre moglie
 dormir, ancor ne'lecti star destesi

Sicut et nos.

Ma questo alhor gli sarà grave doglie
 et non havran di questo tal letitia,
 mai fin (che) non placheremo nostre voglie;

Dimitimus.

Suportato che haran cotal tristitia,
 la qual a nú sarà un gaudio intenso
 laserem tuti i dani per (tal) letitia

Debitoribus nostris.

Però (?) nui ti pregiomo, o verbo immenso,
 osanna et inefabile maistade,
 scampo el to stato ifidel di dar censo,

et ne nos inducas in tentationem.

Libera anco, signor, per tua pietade
 il popul venetian d'ogni ruina,
 et non voler che'l muta le sue strade,

Sed libera nos a malo;

Et fa che ogni altro regno a lui se inclina
 de barbari, de turchi, ancor christiani,
 et quei ancor che cerchan di dar dani

Sconfondili per tua virtù divina. Amen.¹

Не менее значительные отклики получила в безымянной итальянской политической лирике борьба между Франциском Первым и Карлом, кончившаяся, как известно, осадой и разграблением Рима. В своих несчастиях теперь римляне обвиняют исключительно сторонников императора и, подобно тому, как позднее барские конфедераты, надеются выйти из критического положения, в которое они попали, лишь при помощи иностранного вмешательства, в данном случае со стороны Франции. Такие именно чувства одушевляли неизвестного автора стихотворения «Credo che ha fatto li

¹ Novati, op. cit., стр. 223—225.

Romanì», избравшего на этот раз форму христианского «Символа веры» для выражения своих lamentаций:

Credo, se creder se po'in la speranza
 che tutti i latri andaranno in fumo
 et non bisogna più che habian speranza

In Deum.

Gionto è in ponto che convien sconbrare
 e pagar l'hosto del mangiato pasto,
 che se vantavan di voler pigliare

Patrem omnipotentem.

.

O qual vergogna è a voi, perfidi ladri,
 chiamarvi servi de lo Imperadore;
 qual crede al spirto sancto e sancti padri:

Et in Jesum Christum.

Non vi bastava haver assassinato
 el divo pietro con la chiesa santa
 et anche il papa haver sì vergognato,

filium ejus?

O tu signor(e) del fiorito giglio,
 de questi cani fa aspra vendetta;
 segue del padre l'amoroso figlio

qui conceptus est.

.

Quanti meschin(i) sono (stati) straciati
 da questi can batudi e messi in fuga,
 che meglio assai sarian(o) sta'trattati

sub Pontio Pilato.

Chi strazati da corda, chi privati
 de membri genitali, e chi cecchati,
 chi morti, chi squartati, chi frustati,

crucifixus.

O tu(che) sopra questi il sceptro hai
 chiamali a te et la iustitia fa(ra)i;
 se non te annuntio che in breve sarai

mortuus et sepultus.¹

Эта литературная традиция не прекращалась в Италии и в XVII в.; так, напр., известный конфликт между папой Александром VII и французским королем послужил поводом также для создания целого ряда подобных произведений, в которых высказывались как сторонники папы, так и его противники. В одном из таких стихотворений содержатся особенно острые нападки на французского короля; по своему тону, общему содержанию и форме оно служит как бы прообразом позднейших польских стихотворений, посвященных той же теме и возникших в эпоху второго бескоролья и барской конфедерации:

Rammentati, o Luigi sempre invitto,
 che fusti christianissimo monarca;
 or che sommerger vuoi di Pier la barca

Qui es?

Uomo caduco e fral, come pretendi
 I dritti della Chiesa d'usurpare?
 E forse credi tu poter entrare

in coelis?

Non lo sperar già mai perchè non deve
 volerlo la ragion, che un membro infetto
 e nell'umano e nel divin conspetto

sanctificetur.

¹ Presa di Roma el lamento e le gran crudeltate fatte dentro con el credo che ha fatto li Romani con un sonetto et un successo di Pasquino e Marforio. Venezia, Guadagnino; см. Novati, *op. cit.*, стр. 226—227.

Potevi pur verso la tracia luna
 spiegar le vele e i bronzi far tonare,
 e non contro di noi celebre fare

n o m e n t u u m.

Ma quando pur li nostri gran peccati
 meritasser gastigo sì fatale,
 purchè non sia francese il notro male, adveniat.¹

Противная партия не оставалась в долгу; из ее рядов вышло стихотворение: «Il P a t e r n o s t e r» «sopra le presenti discordie tra Roma e Francia de l'anno 1663». ² Стихотворение это содержит горькие упреки по адресу папы и его сторонников. Оно достаточно ярко свидетельствует о том напряжении, какого достигла в то время политическая борьба в Италии, и по своему общему облику вполне подходит к тому типу «антикоролевских» произведений, которыми так богата была эпоха барских конфедератов.

O tu che tieni il regno in Vaticano
 e fosti eletto dallo Spirto Santo
 esser tu sol nostro sovrano e santo

P a t e r.

Tu fà che il gregge tuo, ch'è già disfatto,
 non resti esposto al gallico giudizio;
 e di misfatti altrui non sia il supplizio

n o s t e r.

E tu, don Mario, che per tua follia
 con un re ti disponi a competenza
 forse che non conosci in coscienza

q u i e s?

Sei altro ch'un pezzente risolato,
 ch'un'opra buona mal sapesti fare?
 Et pensi ancora di poter entrare

i n c o e l i s?

Piglia per noi ministri genovesi
 senz'honor, senza fede e senza zelo
 e mal volsuti dalli santi in ciclo

e t i n t e r r a.

¹ Novati, op. cit., стр. 244—245.

² Ibid., стр. 245.

Uno ne fu levato dall'Annona;
 e poi fu data in mano ad un Marchiano
 O vedi che canaglia tiene in mano
 panem nostrum!

Un altro n'ha che con un occhio solo
 Robarebbe la croce a un Dio confitto;
 Pensa come provvede al nostro vitto
 quotidianum.

Vedi quell'altro che governò Roma,
 che porporato gli convien fuggire;
 perchè appresso d'un re non giova dire:
 Dimitte nobis.

Io troppo vorria dir, ma perchè so
 che della veritade ognun si picca;
 e che chi dice il ver al fin s'appicca,
 dimittimus.

I Senesi a b a eterno furov pazzi:
 però ti prego, Iddio onnipotente,
 che più al governo di sì pazza gente
 ne nos inducas.

.

Altro non brama il popol ch'un motivo
 Per dar Roma principio a sollevarsi;
 chè sarìa lor pensiero il liberarsi
 a malo.

Allora sì ch'ognun potria vedere
 Per Roma un parapiglia, un serra serra,
 e monti e quercie e stelle andar in terra!
 Amen.¹

В пылу политической борьбы как бы забывались более широкие вопросы принципиального характера, а вместо них выдвигались на первое место аргументы более частного, узко-личного характера. Вследствие этого

¹ Ibid., стр. 246—247.

данные произведения должны были вскоре уже утратить интерес для последующих поколений; лишённые подлинной отделки, эти стихи безыменных авторов не могли тепеь уже рассчитывать и на более прочную устную традицию, в которой они до тех пор в значительной мере держались. Вот почему можно утверждать, что, несмотря на обилие данного типа произведений в итальянской литературе XVII в. (как и во французской, о чем была речь выше), несомненно, в это время мы тут имели дело уже с явно обозначившимся разложением данного литературного рода. Однако, он держался здесь и в течение всего XVIII в. и был использован наиболее радикально настроенными писателями в целях уже сознательной борьбы с религиозными представлениями. О живучести этого жанра на итальянской почве достаточно красноречиво свидетельствует тот факт, что еще в начале XIX в. там появилась сатира на Наполеона и французов, облеченная все в ту же традиционную форму «Огче наш», только писанная на этот раз не стихами, а прозой. Полезно вспомнить здесь об этой сатире, в виду того, что и среди русских текстов, привлекаемых В. П. Адриановой-Перетц, имеются отклики на события того же времени.¹

И в соседней с Польшей Чехии, благодаря своеобразно сложившимся условиям политической жизни, издавна не было недостатка в сатирических выступлениях против представителей официальной церкви. Одновременно форма молитв используется для чисто светского содержания — осмеиваются недостатки как более широкого значения, так и частных лиц. Возникновение этих сатир относится почти к тому же времени, от которого до нас дошла письменность на национальном языке. Так уже в первой половине XIV в. неизвестный автор сделал попытку воспользоьаться формой десяти заповедей для сатирических выступлений против представителей различных сословий — *Desatero kázanie božie*. (Оно помещено, на ряду с другими текстами, в так наз. Градецкой рукописи; см. общее издание этой рукописи, сделанное Патерой.)

Автор, сам, повидимому, вышедший из рядов низшего духовенства, выступает против общей испорченности нравов и легкомысленной жизни своего времени, но главное острие своей сатиры направляет против монахов, которые, по его словам, готовы за деньги отпустить грехи самым отъявленным злодеям. Приведу начальные стихи девятой заповеди, чтобы можно было лучше судить о характере данного произведения:

*Toto kázanie deváté
cizie věce nežádajte*

¹ См. текст сатиры в цитированной уже книге Novati, стр. 258—259.

Trój lid se nedrzi toho.
Prvý, jenžto hrózú koho
I dědinicě jeho spúzie
a čině j'mu mnoho núzě...¹

Более конкретную политическую окраску эти литературные выступления получили в наступившую затем бурную гуситскую эпоху. Так, известно, что против архиепископа Збынка (Zbyňka) рано стали появляться политические сатиры, в которых его обвиняли за несправедливое сожжение сочинений Виклефа.² Но еще большего напряжения достигло этого рода творчество в стихах, направленных против императора Сигизмунда, которого гуситы считали главным виновником всех постигших их бедствий. Эти выступления против «Nabuchodonozorově soše», «hadu měděnému», «Olofernovi ukrutnému» во многом напоминают тип польских антикоролевских стихотворений, развившихся в эпоху второго бескорольства и барских конфедератов.³

Не менее характерными следует признать отклики, которые получил Констанцкий собор в политической лирике своего времени. Такие произведения, как, напр., *Svolání Konstancké* (1415 г.) или «*O svolání Kostnickém*» (1417 г.), напоминают до некоторой степени сатирические выступления представителей «национального» лагеря против Радомской конфедерации и ее руководителей, среди которых было не мало представителей высшей церковной иерархии.⁴ В разгоревшейся полемике между гуситами и католиками обычно сторона более слабая, как это было позднее и в Польше, прибегала к оружию стихотворной сатиры.⁵ Сначала такой более слабой стороной были гуситы, позднее — католики. Из лагеря последних вышел в начале XV в. ряд латинских песен, направленных против Виклефа и Гуса; из их же рядов вышла опубликованная впервые Фейфаликом «*Piseň o Viklefcě*», представляющая собой уже очевидную пародию или пасквиль.⁶

Stala se jest přihoda
nynie tohoto hoda,

¹ Jan Pelikan. *Výbor z literatury české. Doba stará*. V Praze, 1901, стр. 119.

² См. Jakubec Jan. *Dějiny literatury české* (первое издание), стр. 147.

³ Jakubec Jan, *op. cit.*

⁴ См. Jakubec Jan, *op. cit.*

⁵ *Ibid.*, стр. 153.

⁶ Feiffalik Julius. *Altöechische Leiche, Lieder und Sprüche des XIV und XV Jahrhunderts*. Wien, 1862, стр. 45—47.

že jedna Vikleřice
pozvala k sobě panice
a chtiec ho viěre naučiti.

A řkúc pro Ježíše,
prijď ke mne velmi tiše,
chcí tě viěre naučiti,
ač ty mne chceš poslúchati
chciť písmo otevříti.

Panic Vikleřce odpovědie
a na ni velmi mile hledie,
řka já chci rád vše učiniti,
ač ty mne chceš naučiti
v tvém zákoně býti.

Vece Vikleřka 'zezři na mě,
panice prijď ke mně
až po klidu,
když tu nebude lidu,
chciť písmo zjeviti.

Panic bez meškánie
učiní jejie kázánie:
po večěři v neděli,
když vhladal svú chvíly,
přišel jest k ní tiše.

Vece Vikleřice bez lenosti
'vítaj mój milý hosti,
co sem dávno žádala,
po nemz má duše prahla,
rač ke mně vstúpiti;

Semnú malo poseděti,
Chciť písmo vyložiti,
biblí i také čtenie,
s námať žádného nenie,
budeš sám obierati.'

Tuť mu bába biblí vyloži,
 dvě kapitole vyloži
 pěkné velmi, okruhlé,
 k hruškam byšta podobné
 a tak velmi bielé.

Panic vece bez strachu
 'podaj mi sem, milá brachu!
 je sě biblí rozkládati
 a kapitol vykládati
 s večera až do svietu.

A když poče svítati,
 panic sě chtieše pryč bráti;
 Viklefice se ho chvátí
 a řkúc zdeť jest ostati,
 se mnu jitřní dokonati.

Začechu Te deum laudamus z hóru
 Jakž slušie k tomu dvoru,

.

Ještat sě diškantovati.

Když sú jitřní skonášta,
 pěkněť se velmi objášta
 v božie lásce i v milosti,
 nebylo tu niemilosti,
 což mohu znamenati,

Nuž vy mladí jinoše
 i vy nádobné panoše,
 kteří chcete zákon uměti,
 máte sě k Bekyněm ptáti,
 od nich se učiti.

Svědomit sú zákona,
 regum knih i Šalomúna,
 tak Davida v žaltáři,
 viece než někteří faráře,
 muožte jím rádi slúžiti.

Sladket mají vyklady,
 úplné beze všie vady:
 komuť jich dadí požití,
 muož dobře vesel býti,
 rač je bože ploditi!

Amen.

Еще более любопытно то обстоятельство, что в это же приблизительно время католики, выступая против гуситов, сочиняли латинские пародии — обеды, одна из которых относится уже к 1410 г., а другая к 1419 г. Следует также подчеркнуть, что уже в гуситскую эпоху в Чехии довольно обильно стали пользоваться диалогической формой (столь культивировавшейся, как известно, античными писателями) для целей полемических. Так, напр., неизвестный гусит, придерживавшийся умеренных взглядов («калишник»), сочинил в 1420 г. стихотворение «Hádání Prahy z Kutnou Horou»; в этом довольно обширном диалоге Прага представлена красиво и богато одетой женщиной, в то время как Кутная Гора выступает в поношенном грязном платье и способна вызвать отвращение. Борьба гуситов привлекала внимание всей Европы; неудивительно, что в связи с этим появился и ряд политических стихотворений на немецком и латинском языках.¹ В соседней Польше эти литературные выступления, несмотря на позднейший решительный перевес там католиков, не могли остаться без влияния.

Несчастья, которые выпали на долю Чехии во время тридцатилетней войны и, в особенности, после Белогорской битвы, не могли не отразиться также в литературе; стали сочинять различного типа «жалобы» на испорченность нравов; суеверные стали думать, что приближается конец мира. Многие обвиняли теперь, главным образом, иезуитов. В то время пользовалась успехом направленная против них сатира «Lazeň Španelska».² Для наших целей более любопытны такие возникшие в ту же эпоху произведения, как «Píseň od l. 1588». Автор ее выступает в пользу избрания Максимилиана польским королем; его произведение, следовательно, связано с польской публицистикой конца XVI в. Политическая сатира задевала также и лично короля Рудольфа II, несмотря на наступившую эпоху католической реакции.

¹ О гуситской лирике см. работы Эд. Нейедлого (Zd. Nejedlý): Počátky husitského zpěvu, v Praze, 1907; Dějiny husitského zpěvu za válek husitských, 1913.

² См. Jakubec. Dějiny, op. cit., стр. 219; ČSM, 1873 г., стр. 210; и 1909 г., стр. 147—«Satiry proti jezuitům».

Поляки уже с давнего времени были довольно тесно связаны и с Италией и с Чехией и в культурном и в литературном отношениях. Под чешским воздействием, как известно, началась польская письменность. Польско-чешские литературные связи не прекращались и в гуситскую эпоху, несмотря на крутые меры, прививавшиеся католическим духовенством. Наконец, после поражения националь'ого движения в Чехии чешские «экзулянты» во главе с Коменским нашли себе убежище на польской территории.

О воздействии итальянской культуры в Польше достаточно известно: уже в XV в. в итальянских университетах было много студентов — поляков по происхождению. По возвращении на родину они, конечно, делались проводниками этой культуры. В XVI в. лучшие польские писатели, Кохановский, Гурницкий и др., воспитываются на итальянских образцах, и через них это влияние передается более широким кругам. С тех пор оно уже в сущности и не прекращается, а по временам либо ослабевает, либо усиливается.

В виду всех этих обстоятельств не приходится удивляться тому, что и поляки в сходных условиях политической борьбы применяли те же, примерно, приемы литературной полемики, которые уже были раньше использованы итальянцами или чехами и существовали в этих странах в виде безыменной традиции.

На широком фоне общеевропейских произведений подобного типа их более интенсивное развитие связано не с «вольтерьянской» струей, а с общим напряжением политической жизни в ряде стран (Германия, Польша, Чехия, Италия) в эпоху гуманизма и реформации. Можно не сомневаться, что из общих недр этой широкой волны публицистической литературы выпли и те типы «молитвы», которые тут нас ближайшим образом интересуют в связи с работой В. П. Адриановой-Перетц. Они не всегда даже успели эмансипироваться от слишком тесной зависимости от этой публицистики и очень часто настолько были связаны именно с данными злободневными вопросами, что утрачивали в значительной мере интерес для последующих поколений читателей. Рассмотрение, таким образом, этого типа произведений неотделимо от общей струи публицистической литературы (в тех странах, разумеется, где она развивалась более или менее органически, а не была, как в России, придавлена гнущей рукой деспотизма). В иные моменты литература эта достигала особого напряжения — тогда различные типы этих произведений приобретали чрезвычайно разнообразный характер, а затем,

с исчезновением соответствующих социальных и политических условий, наблюдаем вырождение и самого типа этих произведений.

Идеологически, следовательно, обликом молитвы прикрывались моменты острой политической борьбы; с внешней же стороны, при всем отсутствии заботы наших безыменных авторов о литературной отделке, все же можно отметить несколько стадий в развитии этого типа произведений. Подавляющее большинство известных нам типов этих произведений на Западе писаны стихами, хотя бы и неуклюжими; поэтому прозаическое обращение к Фредерику (по-русски) нуждается в дополнительных объяснениях с точки зрения отношения к немецкому оригиналу. Стихи эти встречаем рифмованные и нерифмованные или с ассонансами, с попытками соблюдать строфичность различного типа и без них, наконец, что может быть наиболее интересно, встречаем различные способы использования самих слов молитвы в качестве рефрена внутри самого текста — от самого начала стиха и вплоть до самого его конца — с тем, что слова молитвы входят в состав стиха в качестве его органического целого; но на ряду с этим бывают и такие случаи, когда они выступают как нечто совершенно обособленное. Наконец, приходится учитывать и смысловую технику наших незамысловатых поэтов: иногда у них слова молитвы выступают лишь в качестве декорации, в семасиологическом отношении не связанной с самым течением мысли; в других же случаях, наоборот, наблюдаем отчетливое стремление некоторых авторов установить хотя бы некоторую смысловую связь между текстом молитвы и излагаемыми им мыслями.

В связи с этим, естественно, возникает вопрос о том, какое место занимают русские тексты в общем вышеочерченном процессе развития данного типа произведений? На него можно удовлетворительно ответить в результате рассмотрения отношения наших произведений к соответствующему типу произведений, возникших на польской почве, с которой русская письменность уже в XVI и XVII вв. столь тесно соприкасалась, продолжая это соприкосновение и в XVIII в., и где этого типа произведения представлены во всех их основных видоизменениях. О прямой связи наших произведений с польскими говорит и отмеченная выше их фактическая близость с ними. Так можно сопоставить хотя бы такое двустишие нашей «крестьянской» молитвы с соответствующим польским:

«Имение и весь твой дом
Теперь стал не твой уж он... наш»¹—

¹ Текст, найденный В. П. Адриановой-Перетц и разбираемый в ее статье.

«Sprzęt swój domowy, co być może wszystko,
Nie jest czyj inny, ale raczej tylko nasz».¹

Цитированная сатирическая «молитва» силезских крестьян относится, несомненно, ко времени семилетней войны. Политическая же лирика в Польше имеет, конечно, гораздо более глубокие корни. Уже в XV в. она нашла свое отражение в вышедших из шляхетского лагеря безыменных сатирах против мещан и крестьян; несомненно, она достигала заметного оживления в эпоху гуманизма и реформации. Значительное ее заострение наблюдаем во второй половине XVI в. — в эпоху первого бескоролья, но впервые она достигла столь заметного напряжения на польской почве в момент рокоша Зебжидовского — в начале XVII в. Заслуживают в особенности внимания, по своему пафосу, те стихи рокошан, в которых они прямым образом выступают против короля Сигизмунда III.

Со стороны содержания вышедший из среды рокошан «*Pacierz do Króla Ięgotości*» представляется достаточно насыщенным: их принципиально враждебное отношение к политике Сигизмунда III, к его стремлениям опереться на иезуитов, выступает здесь достаточно отчетливо; слабым только представляется окончание, в неопределенности и бледности которого таились уже позднейшие попытки примирения некоторых рокошан с лагерем короля:

«Ale nas zbaw ode wszego złęgo,
A sam idź prędko do Boga wszechmogącego».

В напряжении политической борьбы такие «королевские» молитвы стали преобладающими в публицистике своего времени. Однако, «королевская» тема была тогда настолько наболевшей, что, разумеется, только молитвами далеко не исчерпывается даже одна лирика, посвященная этому вопросу уже в момент рокоша Зебжидовского, т. е. в 1606—1608 гг.

Король фигурирует и в различного типа лирических «жалобах», тогда очень распространенных, и в стихотворных диалогах и, наконец, в наиболее заостренных, непосредственно к нему обращенных сатирах, где проявила себя наиболее радикально настроенная часть рокошан:

«Zygmuncie trzeci,
We łbieć się kręci,
Uciekaj, rada,

¹ Kolbuszewski. Poezja barska. Kraków, 1927, стр. 250.

Bo już twa zdrada,
Odkryta wszędzie
U ślachty będzie».¹

В стихотворной технике и построении «молитва» рокошан никоим образом не представляет собою начального фазиса в развитии подобного типа произведений: об этом свидетельствует не только четкость и логичность в развитии мыслей, но также проступающая злостная ирония — продукт более позднего культурного развития. Мы, следовательно, только утратили прототипы этой «молитвы», которые, вероятно, уже возникли в эпоху первого бескоролья, в связи с обострившейся тогда политической борьбой. Однако, сравнительно ранний характер «молитвы» рокошан подтверждается тем, что она чрезвычайно слабо еще дифференцировалась в качестве особого типа произведений: автор без сомнения мало еще отделял ее в своем сознании от других антикорольевских стихотворений, которые были построены по существу на той же основе воображаемой непосредственной беседы с королем. Автор рокошанин не старался еще заключительным рефреном «молитвы» подчеркнуть особый тип этого произведения и потому пользуется словами молитвы почти исключительно в начале стиха, причем слова эти входят в стих как его составное целое:

«Bądź wola twoja w wandalech, jak pierwiej była,
Gdzieś dobrych śledzi miał obfitość siła».

О сравнительно раннем характере этого произведения говорит и то обстоятельство, что некоторые слова «молитвы» совершенно опущены нашим автором, который, очевидно, не стремился вообще к такой полноте. Наконец, следует отметить, что хотя слова «молитвы» составляют якобы необходимую часть каждого стиха, однако, связь между ними и самым содержанием часто представляется современному читателю более чем искусственной.

Глава II

Основные элементы массовой шляхетской сатирической литературы определились уже во время рокоша Зебжидовского; в противоположность развивавшемуся на Западе абсолютизму, здесь тогда впервые столь четко и остро были формулированы положения шляхетской «демократии» и обна-

¹ Piśma polityczne z czasów rokoshu Zebrzydowskiego 1606—1608. Tom I, Wydał Jan Czubek, Kraków, 1916, стр. 42.

ружено стремление к полному обезличению центральной власти. Движение это, формально потерпевшее поражение, фактически, однако, закончилось скорее победой этих тенденций: рокошане, побежденные в открытом бою, ограничились лишь пустой просьбой о помиловании; на самом же деле, проводимые ими принципы после этого все сильнее стали входить в жизнь государства, приводя его постепенно в состояние анархии. Неудивительно, что и литература памфлетов и сатир этого времени носит на себе черты, которые мы встречаем полтора века спустя в выступлениях барских конфедератов. Та же социальная среда должна была выделить из себя сходную идеологическую продукцию. Главное различие, однако, заключалось в том, что в начале XVII в. класс этот был почти на вершине своего развития, и потому он мог проявить себя гораздо более обширно и выдержать даже конкуренцию с соответствующими выступлениями на Западе. Слишком живы еще были традиции расцвета культуры возрождения, получившей такое блестящее развитие и на польской почве; классицизм продолжал еще быть живой, полной глубокого смысла традицией, хотя понемногу начиналась уже порча вкуса, входил в моду так наз. стиль «барокко». Но эта порча в значительной степени искупалась обильным привлечением «новых» людей в литературу. В пылу политической борьбы шляхта охотно готова была пользоваться услугами этих «новых» людей — представителей мелкой городской буржуазии, различных «бакалавров» и даже просто недоучившихся школьников. Вот почему, как отмечалось исследователями, — в XVII в. было больше всего авторов; из них очень многие совсем не заботились об авторской известности, ничего не печатали, так что мы узнаем о них по разным, по большей части в рукописной копии сохранившимся литературным произведениям.

Интересующая нас здесь отрасль лирики начала XVII в. отчасти продолжала традиции настоящего классицизма. Так Мясковский в ряде своих стихотворений продолжает умело пользоваться мифологическими уподоблениями, подобно тому как это уже до него делал, напр., Кохановский. Но наряду с этим выступает течение, свойственное уже преимущественно гуманистической эпохе: споры во время расцвета реформационного движения и острая политическая борьба вызвали к жизни в литературе своеобразный вид платоновского диалога. Это еще не драма в настоящем смысле этого слова: для создания ее у авторов того времени не было ни сил, ни достаточной подготовки, так что даже опыт самого Кохановского оказался не вполне удачным и во всяком случае не нашел себе продолжателей, — это был механически лишь связанный диалог, основанный на обмене мыслями между политическими

единомышленниками. Иногда тут выступает один — «пропагандист» другой — «объект» агитации, пока еще не ориентирующийся надлежащим образом в происходящих событиях. Странное впечатление производят на современных читателей эти лишенные между собою внутренней связи взаимно «дополняющие» речи собеседников. В свое время они, однако, казались вполне отвечающими требованиям момента. Реформационное движение, которое во время рокоша Зебжидовского не было еще подавлено, несмотря на усиленную деятельность иезуитов, которым столь покровительствовал король Сигизмунд III, также выгодно отличало выступления рокошан от позднейших конфедератских. На сандомирском съезде шляхты (октябрь 1606 г.), как справедливо замечает историк, «*cozaz to bardziej' przeważali różnowiercy*»,¹ которые должны были вносить неизбежно столь чуждые конфедератам принципы терпимости. Это обстоятельство как будто сильно отдаляет одних от других. В противоположность позднейшим конфедератам, рокошане выступают с резкими памфлетами против иезуитов, которые де вместе с королем стремятся ввести *absolutum dominium*. Как известно, именно под влиянием этих выступлений Скарга, самый деятельный участник событий, разумеется, державший сторону короля, выпустил в новом своем издании проповедей раздел «о монархии», боясь, что иначе наживет себе слишком много врагов. Незвестный автор длинного стихотворения «*Ad Patres Iesuitas*» обвиняет их в лицемерии, корыстолюбии и прямо изменнической работе; он патетически восклицает, что пока хоть горсточка их останется в Польше, не может быть спокойствия в стране.²

Owo zgoła wszystko złe w Polsce nie ustanie,
 Półki was jaki szsządek między nami stanie;
 Wyprawim was do tego, co nań pracujecie.
 Tam swej wiecznej roboty nagrodę weźmiecie,
 Że was albo powieszą, abo poczwartują;
 Tej wam dusze stracone nagrody winszują.

Отсутствие подобных выступлений со стороны конфедератов объясняется не глубоким принципиальным различием во взглядах, а изменившейся обстановкой. Историк этого времени справедливо отмечает, что после рокоша Зебжидовского иезуиты поняли необходимость изменения своей позиции, и из настоячивых пропагандистов *absoluti dominii* пре-

¹ Sobieski. w. Henryk Walezy, Stefan Batory, Zygmunt III. *Historja polityczna Polski*, cz. II, стр. 182; Nakładem Polskiej Akademji Umiećności.

² Czubek, op. cit., стр. 96.

вратились в верных сторонников шляхетской «демократии»; при таких условиях идеологам шляхты нечего было оспаривать в выступлениях иезуитов, и из врагов они скоро превращаются в союзников. Их активность простирается так далеко, что они берут в свои руки воспитание шляхетской молодежи, вступая в яростное состязание с Краковским университетом.

Веяния гуманистической эпохи сказались еще в том смысле в литературе рокошан, что она выступает перед нами гораздо более отделанной, отвечающей вкусам более образованных людей своего времени. Черты барокко здесь отразились в некоторых чересчур изысканных мифологических уподоблениях. Таковы, напр., выступления одного из значительных поэтов своего времени — Каспра Мясковского; в стихотворении «*Nenia na rozguch domowy*»¹ он на манер Кохановского обращается к «Славянской Сафо», которую призывает сложить «золотую лютю» и одеться в траурный наряд по случаю внутренних раздоров. В другом своем стихотворении он явно подражает Горацию и еще более наполняет его мифологическими уподоблениями,² так что едва ли оно было понятно более широким кругам шляхты. Черты барокко сказались еще здесь в том отношении, что у ряда авторов замечается стремление персонифицировать те или иные явления, и это одинаково в поэзии лирической, как и драматической, или полудраматической. Сюда относится в особенности ряд элегических стихотворений, в которых лирические излияния ведутся или от лица «Короны польской» или³ от имени Речи Посполитой вообще⁴ и т. д. Персонифицированная «Корона» то «напоминает» враждующим о необходимости примирения, то горестно стонет, не находя облегчения в создавшемся затруднительном положении. Такова, напр., элегия Яна Данецкого (*Jan Danięski* — придворный поэт ряда магнатов, которым он посвящал свои стихотворения).⁵ Здесь представлен более широко задуманный персонифицированный образ «Короны» в специально для того написанном вступлении.⁶ В других случаях аллегорические существа появляются в особенности в диалогах, которые получили тогда, как известно, столь широкое распространение, хотя и продолжали в сущности средневековую традицию. Здесь⁷ выступает опять персонифицированная

¹ *Ibid.*, стр. 60—62. См. также в издании Turowskiego, стр. 146—148.

² *Ibid.*, стр. 99—100.

³ *Czubek*, *op. cit.*, стр. 256.

⁴ Ср. «*Tien Rzeczypospolitej w nieszczęzne wojny domowe*», того же Мясковского; *ibid.*, стр. 310—314. В издании Туrowsкого стр. 149—152.

⁵ *Ibid.*, стр. 132.

⁶ *Ibid.*, стр. 131.

⁷ *Ibid.*, стр. 63—65.

фигура «Родины», беседующая со своим образцовым сыном. Нужно, однако, отметить, что литература рокошан в этом отношении значительно отличается от культивировавшегося особенно иезуитами аллегорического диалога. И здесь, правда, имеется «Tragedja rokoszowa na sejmie A. 1607 wydana», где выступают такие характерные действующие лица, как Ambicja (сам Зебжидовский), Perfidja (Стадницкий), Licencja (маршалок рокоша), Latrocinium («duetajstwo rokoszowe») и т. п.,¹ однако, на ряду с этим имеется в литературе рокошан ряд диалогов, прямым образом связанных с жизнью; в них элемент реалистический решительно преобладает, они часто настолько тесно связаны с политической злобой дня, что могут быть по-настоящему поняты только при надлежащем знакомстве с деталями жизни того времени; аллегорический элемент в них отсутствует совершенно. Таков, напр., прозаический диалог, вышедший из среды противников короля рокошан, в котором выступают такие «заметные» лица своего времени, как ближайший сотрудник короля Мышковский, литовский канцлер Сапега, также сторонник короля, коронный референдарий Крыский (Kryski).² В этом прозаическом диалоге, переплетаемом латинизмами, выступления короля и его сторонников окрашены в явно сатирические тона: тут достается иезуитам, которым король столь покровительствовал; делаются намеки и на некоторые подробности его интимной жизни. Сходную литературную отделку получило «Colloquium rokoszowe»,³ автор которого старался сохранить «нейтралитет», хотя в сущности скорее был на стороне короля, чем рокошан; и здесь видим полное отсутствие аллегии; автор выводит таких действующих лиц, как тот же Мышковский, как небезызвестный для историков Боболя (Bobola), затем Скарга, наконец, «пляхтич», вообще долженствующий отражать мнение шляхетской «демократии». Эти приемы относительного реализма были необходимы в литературе, которая стремилась воздействовать на более широкие круги; именно по этому пути пошли позднее конфедераты; только они настолько уже порвали с давней средневековой литературной, чисто книжной традицией, что для них элемент аллегии вообще не представлял ценности, в особенности в диалогах; он ими был оставлен лишь в персонифицированных чисто лирических выступлениях. Однако, более последовательный переход к реализму в диалоге, отмечаемый у конфедератов, несомненно, имеет свои корни еще в литературе рокошан; мало этого, даже отдельные подробности его применения, встречающиеся у конфедератов, ведут фактически свое начало

¹ Czubek, op. cit., стр. 178.

² Ibid., стр. 37.

³ Ibid., стр. 75—81.

еще от рокошан. А именно, от беседы между воображаемыми или даже действительными лицами авторы вполне естественно, в виду остроты момента, считают необходимым перейти к беседе от первого лица (от самого автора) с наиболее ему ненавидимыми противниками. Это был скользкий путь, ибо здесь легко было сбиться с пути «реализма» на обычную дорогу пасквиля. В те времена, однако, не было настоящего различия между пасквилом и просто литературным произведением: без сомнения, стремились очернить противника всеми путями, допуская не только преувеличения, но и очевидное искажение фактов; но так было и в литературе, снабженной так наз. «аппаратом» учености, так же было и в литературе, которая не претендовала на то, чтобы быть опубликованной в печати и стать известной потомству; типичной с этой точки зрения была «Przetnowa do panów senatorów», в которой автор сам от своего лица обращается к таким выдающимся деятелям своего времени, как Скарга, как перемышльский епископ Пстрокопский, как гнезненский архиепископ Мацеёвский, как познанский воевода Гостомский и др. Конечно, можно, если угодно, возводить даваемые здесь по большей части остро сатирические характеристики указанных лиц к манере «фрашек», столь употребительной в литературе XVI—XVII вв., напр., сатирических надписей на гербы отдельных фамилий, встречающихся еще у Рся, а через эту литературу «фрашек» вести генеалогию еще от эпиграмм Марциала, но в данном случае нас интересует только связь указанных выступлений рокошан с позднейшим творчеством конфедератов, в особенности с рассматриваемым ниже их произведением «Zdania o biskupach» (сатира на Радомскую конференцию); их соединяет тот же самый традиционный 13-сложный стих с парными рифмами, то же самое колебание в развитии своей мысли: от короткой двухстишной эпиграммы авторы переходят иногда к обширному стихотворному памфлету (напр., на Мышковского);¹ наконец, и детали полемических приемов необычайно сходны у рокошан и у конфедератов: и там, и здесь они не брезгают чисто внешними уподоблениями, лишенными подлинной связи между собою, как, напр., в обращении к познанскому пану Остророгу:

Rozum wielki bez cnoty, bez kształtu uroda,
Monstrum sprośne, by właśnie satyrowa broda.²

На такой же чисто внешней игре слов основано начало выступления против Скарги (*ibid.*, стр. 107); кувявский же епископ Барановский сравни-

¹ Czubek, *op cit.*, стр. 113.

² *Ibid.*, стр. 112.

вается (также на основе игры слов) с бараном, топчущим свободу своими «отвратительными» ногами. Как и в эпоху конфедератов, во время рокоша высшие представители духовенства были на стороне короля; сходство в теме сатиры и в приемах делается поэтому особенно очевидным в выступлении рокошан против примаса:

Prymasie, o prymasie, co się z tobą dzieje?
Znieważyłeś przodki swe i jejich przywileje.

Как конфедераты выступили в своем «Zdaniu» с сатирой на «фамилию» Чарторыйских, так рокошане в тех же более или менее тонах выступают против «дома» Тенчинских.¹ Рокошане называют отступивших от них духовных и светских сенаторов «изменниками добродетели», постаревшими «в грехах и злобе», охотниками до худых дел. Последовательной характеристики того или иного лица, основанной на более детальном и систематическом использовании соответствующих данных, мы, разумеется, здесь не находим, как не было этого и позднее у конфедератов, ибо не такова была цель их; отличие выступлений рокошан заключается в вышестоящей их связи с реформационным движением. Но явное сочувствие иноверцам позволяет им и в этой сатире на сенаторов довольно отчетливо осветить свое принципиально отрицательное отношение к католическому духовенству. Вот почему у них введен особый раздел под характерным заглавием: «Do wszystkich księży»;² отдел этот заключается весьма характерным двустийшим, не оставляющим сомнения в занимаемой тут авторами позиции:

Słusznie to rzec muszę, że wasz wszystek clerus
Wolności i praw naszych jest opressor verus.

Так не сказали бы конфедераты; их резкие выступления против отдельных представителей высшего духовенства не переходили, однако, в принципиально отрицательное отношение ко всему сословию, ибо этому препятствовала их все более развивавшаяся фанатическая несправедливость ко всему иноземному и не менее фанатическая привязанность ко всему «своему», традиционному. Вот почему среди выступлений конфедератов встречаем на ряду с резким осуждением Гедройца, Красицкого и др. «положительную» оценку деятельности Залуского и Красицкого; конфе-

¹ Czubek, op. cit., стр. 111.

² Ibid., стр. 108.

дераты судорожно цеплялись за ускользавшее из-под их ног прошлое, не понимая того, что возврат к нему уже невозможен; они здесь выступают как сила совершенно реакционная на том этапе развития; наоборот, рокошане здесь не теряли еще связи с лучшими традициями эпохи гуманизма и реформации; их реакционность не выступила еще столь явственно. Правда, автор-рокошанин также вводит в свое изложение элемент «положительных» характеристик; однако, элемент этот играет в его произведениях более чем второстепенную роль; он встречается лишь один раз («Do biskupa Krakowskiègo Tylickiego») и ни по своему характеру, ни по широте охвата трактуемой темы не может быть сравниваем с характеристиками Залуского и Солтыка и их ролью в произведении конфедератов. Сделав эту оговорку, которая является естественным результатом различия условий, в которых развивалась деятельность конфедератов, с одной стороны, и рокошан, с другой, — мы можем констатировать, что «Предостережение» рокошан было прямым предшественником «Zdań o biskupach» конфедератов. Их объединяет та же манера изложения, сходство часто очень элементарных приемов полемики, наконец, большая общность тем. Разумеется, речь здесь может идти не о литературном влиянии одного произведения на другое, а об устойчивой литературной традиции. Ниже увидим, кто послужит посредником, поддерживающим эту традицию на длинном пути от начала XVII в. до 70-х годов XVIII в.

Диалогическая форма, однако, очень связывала рокошан; развитие действия, создать его подлинное напряжение было им явно не под силу; вот почему весь пафос их изливается преимущественно в лирических элегических жалобах, о которых частично было уже сказано выше. Правда, и с формальной стороны не всегда легко провести грань между этими «элегиями» и собственно диалогами, ибо и в элегиях иногда несколько неожиданно выступает, правда, довольно слабо развитый элемент драматизации; другие «элегии» представляют собою как бы отрывки «характеристики», выхваченные из более обширного «полудраматического» целого, напр., обращение к Жулкевскому, изменившему делу рокошан. Характерно, что и стихотворный размер, употребляемый в некоторых «планктах» и «Narzekałiach», совпадает с тем, который мы встречаем в ряде «диалогов», — это довольно популярная среди рокошан строфа в четыре стиха, из которых три первых стиха 11-сложные, а четвертый — 5-сложный. Такова, напр., элегия «Korona polska bardzo smutna»;¹ таков же «Plankt na terazniejsze

¹ Czubek, op. cit., стр. 224—233.

nieszczęsne czasy»;¹ и в других случаях мы встречаем в диалогах тот же 13-сложный или 11-сложный размер с попарными рифмами, которыми часто написаны разные «планкты». Трудно, таким образом, ожидать от большинства авторов-рокошан сознательного различия литературных жанров.

Подавляющее большинство из них (за редкими исключениями) не заботилось о литературной славе, смотрело на свои произведения, как на вещи злободневные, долженствующие удовлетворить лишь запросы данного момента, и потому вовсе не думало об их отделке, о включении их в строго определенные рамки общей литературной традиции. Подобного рода произведения в Польше начала XVII в. были еще сравнительной новостью; вследствие этого тем труднее было их втиснуть в рамки совершенно определенной местной литературной традиции. Рокошане-авторы вынуждены были поэтому прибегать к искусственной комбинации уже существующих жанров или совсем игнорировать данный вопрос. По их стопам в данном случае пошли и конфедераты с той лишь разницей, что вопрос авторства и литературной славы для них стал играть еще меньшую роль, чем для рокошан, так как лучшие традиции эпохи гуманизма были уже утрачены, а новые приемы поэзии «вторичного классицизма» почти совсем не могли быть ими восприняты. Под влиянием свежих еще воспоминаний гуманистической эпохи рокошане-авторы считают необходимым внести гораздо больше «учености» в свои «планкты», чем то мы видим позднее у конфедератов: Wawrzyniec Chlebowski, напр., автор ряда стихотворений, зарегистрированных в библиографии Эстрейхера, сочиняет такой «Lament żałośny korony polsk'ej»,² в котором только начальные стихи содержат прямое отражение гонимых его чувств, в связи с гражданской войной. Остальная часть стихотворения представляет собою типичное для эпохи барокко нагромождение мифологических уподоблений. В неменьшей степени содержит этот элемент другой «Lament żałośny»³ — обширная элегия, в которой фигурируют и Аякс, и Елена, и амазонки, и Приам, а также целый ряд других мифологических существ. Черты явного барокко сказываются ярко у автора этого стихотворения, когда он на ряду с этими традиционными штрихами, вводит уподобления, заимствованные из мира библейского; он допускает, таким образом, пеструю смесь несоединимых между собою образов. Автор говорит тут, напр., о «Хананейской земле», с которой сравнивает нынешнюю Польшу; рассказывает

¹ Czubek, op. cit., стр. 71—75.

² Ibid., стр. 256.

³ Ibid., стр. 257—270.

о Балтазаре, который из-за своей распутной жизни утратил корону, и проч.¹ Эти два элемента, особенно в их тесном переплетении, не могли найти широкого применения в позднейшей лирике конфедератов. Зато сам по себе тон стенаний библейского и полубиблейского характера, впервые получивший более широкое распространение в эпоху гуманизма и реформации, должен был оказаться сравнительно устойчивым. И в данной элегии, особенно во второй ее части, он выступает довольно сильно. И в некоторых песнях и элегиях этот момент сказался не только в соответствующих уподоблениях, но и в тоне (в особенности с этой точки зрения характерны окончания). Бессилие шляхты разрешить взятую на себя задачу реформирования государственного строя сказывалось в этих непрерывных lamentациях, в призывании высшей силы для разрешения задач, которые разрешить шляхта, как класс, оказалась не в состоянии. Так взывает, по словам одного неизвестного поэта, «люди убогий и исполненный великой тревоги»;² другой, услышав о том, «как поляки точат мечи один против другого», восклицает: «кто не заплачет при таком известии».³ Как известно, оснований для такого пессимизма в эпоху рокоша еще не было; дело окончилось «благополучно» для обеих борющихся сторон; вот почему, наряду с такими совершенно элегическими тонами, мы встречаем у рокошан и вполне оптимистические стихотворения, разумеется, относящиеся уже к тому времени, когда произошло окончательное примирение между рокошанами и лагерем короля. Таково, напр., стихотворение К. Мясковского «Post nebula Phoebus, albo polska pogoda po burzy domowej», начинающееся словами:

Witaj różany dniu, po nosy wronej,
Wiosno po zimie sarmackiej korony!⁴

Или в столь же радостных тонах написанное стихотворение Гроховского «Na dzień piątkowy». Конфедераты не могли уже рассчитывать на подобную удачную развязку затеянного ими предприятия. Вот почему вышеотмеченный элемент пессимизма развился у них за счет представленных здесь других элементов, которые были ослаблены как мало подходящие в новых окружавших их условиях, либо совсем отброшены. Было уже отмечено, что рокошане, хоть и связанные начинающимся барокко, однако, вносили элементы реализма, который позднее под пером конфедератов получил еще большее развитие. Реализм сказался в большой непосредствен-

¹ Ibid., стр. 257.

² Ibid., стр. 146.

³ Ibid., стр. 200.

⁴ Ibid., стр. 347. Wyd. Turowskiego, стр. 184—186.

ности впечатлений от происходящего, причем, однако, автор всегда их воспринимает со своей очень специфической точки зрения. В одном стихотворении только «Корона» жалуется на то, что ее хотят отдать «немцам» в рабство, явно этим отражая царившее среди шляхты недовольство против Сигизмунда. Такая же конкретность видна в указаниях автора на то, что король продолжает веселиться в то время, как татары напали и опустошают Подолию.¹ Приходящий почти в отчаяние рокошанин дальше прямо восклицает:

Już o mnie dziś targi zaczynają,
A w niewolą zaprzedać gadają.²

Эти же реалистические приемы применяются и рядом других авторов-рокошан, жалующихся на то, что теперь те управляют страной, которые не сумели управиться со своим собственным имуществом.³ Автор этого последнего произведения отличается особенно последовательным проведением реалистических приемов, когда выступает против злоупотребления в судах, в раздаче должностей и проч.

Sądy sprzedajne, kupni urzędnicy,
I wszystko zgoła jakoby w kramnicy
Już teraz u nas; więc nie dziw, że sami
Handlują nami.⁴

Эта сторона — необходимость реформ — была затронута чрезвычайно широко в литературе рокошан. По свидетельству историка, только литература эпохи четырехлетнего сейма могла равняться по широте затронутых тем литературе рокошан. Тут были, разумеется, выдвинуты и национальная и социальная проблемы, однако, все с кастовой шляхетской точки зрения, даже без серьезной попытки принять во внимание тогдашнюю точку зрения более развитых в экономическом отношении западных государств.

Это господство реалистических приемов в большинстве «элегий» рокошан позволяет легко установить сходство основных тем и порядка их изложения у них и у конфедератов. Как и позднее барская конфедерация, рокош имел свои стадии успехов и поражений, в связи с чем видим подъем или упадок в настроениях рокошан. После Люблинского съезда шляхты (5—6 июня 1606 г.), на котором известный Стадницкий выступил впервые открыто с предложением свергнуть короля с престола, — появилась обильная лите-

¹ Ibid., стр. 35.

² Ibid., стр. 36.

³ Ibid., стр. 72.

⁴ Ibid.

ратура, которая уже формулировала положения решительной борьбы с королем и его окружением и не менее отчетливого выступления против иезуитов как пособников усиления королевской власти в Польше. В дальнейшем, однако, и еще до наступления открытой гражданской войны, между рокошанами наметились два течения: более зажиточная шляхта, боявшаяся за целостность своих имений, скорее готова была пойти на мирные переговоры со сторонниками короля; наоборот, идеологические представители шляхетских «низов» продолжали требовать детронизации короля и элекции какого-нибудь «Пяста». Сходный процесс расслоения наблюдаем потом среди конфедератов, где также наметилось более умеренное течение, пытавшееся договориться с королем, и более радикальное, шедшее даже на такие меры, как известный акт его неудачного похищения. Неудивительно, что сходные социальные и политические условия получили более или менее сходное отражение в литературе. Конечно, и тут были хронологические посредники между рокошанами и конфедератами, но о посредниках этих будет речь в следующей главе. Основные темы затрагиваются и рокошанами и конфедератами. Это вопрос о виновных в бедственном положении страны; далее вопрос об отношениях их с соседями, которые могут, воспользовавшись междуусобиями, вторгнуться в пределы Польши, и, наконец, указание на пример «доблести» предков, который должен де воодушевить шляхту к согласию внутри и к дружному действию вовне. Все эти элементы, однако, неодинаково представлены у тех и других, за исключением, впрочем, первого пункта. Уже вопрос об отношении к соседям был для рокошан во всяком случае менее актуален, чем для конфедератов, потому что в Польше тогда не господствовали иностранные войска, как при правлении Станислава Августа. Рокошане поэтому склонны использовать «угрозу» со стороны иноземцев скорее в качестве агитационного приема в своей борьбе со сторонниками короля. В этом смысле, напр., автор «*Żyłosnej przestrogi*» восклицает:

Obróćcie miecze swe na nieprzyjaciele,
Lachowie mężni, nie mieszkając wiele,
Bo szuka Turak okazyej takiej,
By was ułowił, jako w sidle ptaki.¹

В другом месте автор с этой же точки зрения говорит о нападениях татар, опустошающих Подолию; наконец, некоторые авторы жалуются на тяжелое положение поляков, оказавшихся тогда в плену в Москве. Все эти события, однако, не касались основных владений Речи Посполитой

¹ Czubek, op. cit., стр. 202.

и основной массы польского населения и потому не могли быть для рокошан столь убедительными, как соответствующие темы для конфедератов, лишенных даже вообще опорного пункта в своих операциях. В том положении, в котором находились рокошане, естественно, что в конце концов одержали верх настроенные более примирительно. Эта победа элементов зажиточной шляхты, временно блокировавшейся с магнатами, отразилась в многочисленных выступлениях, проповедывавших «согласие» и «внутренний мир»; эти хорошо известные и позднее лозунги ведут свое начало в Польше примерно от известных, несомненно ярко реакционных выступлений Кохановского в такого типа его вещах, как, напр., «Zgoda». Теперь под пером рокошан тема эта, естественно, должна была получить богатое развитие; она варьируется ими на разные лады. Так, неизвестный автор той же «Żałosnej przestrogi» восклицает:

Hej cni polacy, dla Boga się czujcie,
A jak naprędzej do zgody się miejcie.¹

В том же смысле восклицает устами Речи Посполитой К. Мясковский в своем трене.² Наконец, в таком же духе высказался самый талантливый поэт того времени, ярко сохранивший еще традиции эпохи гуманизма, Симон Шимонович (Szymon Szymonowicz). Будучи сам мещанином по происхождению, он занял «нейтральную» позицию в споре между шляхтой и сторонниками короля.

Начиная свою «Lutnią rokoszańską»³ по традиции с обращения к музам, он, вслед за Кохановским, делает экскурс в область прошлого, чтобы тем явственнее показать отрицательные стороны современности. Позиция эта по существу, конечно, реакционная. В прошлом, по словам Шимоновича, «процветал мир», потому что «гордые соседи» боялись несравненного мужества поляков.⁴ В противовес этому Шимонович дает необычайно реалистическое для того времени описание бедствий, какие причинили гражданская война и нападение соседей: Подолия почти уничтожена, в пепел превращены многие города и крепости, сотни людей уведены в турецкое рабство:

Więźnie, nieczszesne więźnie, a bogate plony,
Córy sliczne szlacheckie i żony uczciwe
Bisurmanom oddają posługi brzydliwe.⁵

¹ Czubek, стр. 202. Полное заглавие стихотворения и было: «Zgoda i żałosna przestroga».

² Ibid., стр. 310.

³ Ibid., стр. 315—322. Впервые эта вещь была опубликована Белёвским в 1863 г.

⁴ Ibid., стр. 316.

⁵ Ibid.

В таких условиях Шимонович, отражая популярные среди зажиточной шляхты и магнатов тенденции, провозглашает лозунг единства, примирения, окончания гражданской войны какой угодно ценою. И для него искренно ли он это говорит или нет — другой вопрос, тогдашнее устройство Речи Посполитой представляется почти идеальным, поскольку именно там «расцвела тогда свобода»; в этом случае он продолжает хорошо известные традиции публицистики второй половины XVI в., которая, в лице в особенности Ожеховского, славилась этой якобы идеальной «золотой» шляхетской свободой. Кохановский высказывал в сущности те же мысли, только в гораздо более осторожной форме. Теперь сюда же присоединяется голос Шимоновича; только последний не учел того, что за короткий сравнительно промежуток времени, который прошел с тех пор, обстоятельства значительно изменились, и защита этого лозунга даже в наиболее реакционных кругах делалась все более трудной. Ученый гуманистический поэт, пропитанный классическими симпатиями, привыкший к изысканному языку, исполненному метафор и сравнений, выступает здесь с вещью, написанной исключительно просто, почти без всяких мифологических уподоблений. Острота политической борьбы, очевидно, стирала грань между ученым гуманистом и средним автором-рокошанином, сочинения которого остались неизвестными потомству. Причины этого понятны: оба они хотели воздействовать на возможно более широкие круги читателей и потому вынуждены были пользоваться литературными приемами возможно более упрощенными. Разница заключалась лишь в том, что известный автор-рокошанин по своему умственному развитию и не мог иначе писать, тогда как Шимонович, несомненно, сознательно должен был настраивать свою лютню на такой упрощенный лад.

Во времена конфедератов те социальные круги, за которыми стоял раньше Шимонович, не могли уже быть на такой примирительной позиции; их явно тянуло в сторону короля и «сильных» соседей. Идеологический разрыв между средней шляхтой и этой частью магнатов уже совершился; вот почему мы видим, что тогда наиболее видные представители «официальной» литературы оказываются в лагере решительных противников конфедератов: ни о каком примирении тут не могло быть речи. В литературном отношении конфедераты, конечно, проиграли от этого, так как лишены были связи с наиболее крупными авторскими силами своего времени. Теперь, в начале XVII в., по мнению Шимоновича, таких поводов для занятия непримиримой позиции нет. Хотя шляхта и настроена враждебно по отношению к королю, однако, она в сущности лишь хочет освободиться от неко-

торых сомнений.¹ В таком идиллическом свете рисовались талантливейшему поэту своего времени кровавые события, которые тогда совершались. Наивность этих взглядов настолько бросается в глаза, что является вопрос, насколько мог быть искренен столь просвещенный человек, как Шимонович, когда высказывал подобные мысли. Такой же мотив «Zgody» видим в ряде других, написанных рокошанами, стихотворений, напр., «Urominienie korony polskiej», «Prośba do Boga korony polskiej»² или «Zgoda i pokój».³ В первых двух, написанных традиционным 13-сложным стихом, как и «Лютня» Шимоновича, продолжают меланхолические жалобы на тяжелые последствия гражданской войны. Иногда автор хочет несколько блеснуть своей ученостью и тогда прибегает к сравнениям, заимствованным им из мира античного:

*Czego seditiosi w on czas nie czynili
Rzymianie, z Hannibalem gdy się prowadzili.*⁴

Призывы к примирению чередуются у этих авторов с грозными предостережениями по адресу современников: «все погибнет, если они не исправятся». В этом случае мы снова вступаем в область «библейской», «псалмической» лирики, столь распространенной еще в гуманистическую эпоху. Выше было уже отмечено, что конфедераты в значительной степени продолжили эту традицию, только еще больше оторвали ее от первоначального источника. Последнее из упомянутых произведений «Zgoda i pokój», отличающееся большим разнообразием размера и отчасти диалогической формой, написано в связи с наступившим примирением между лагерем короля и рокошанами и потому выдержано в «триумфальных» тонах:

Ktoby nie był rad tak zdrowej nowinie,
Która jest strachem w pogańskiej krainie,
Strachem występny i wnetzną żałością,
Dobrym radością.⁵

Подобных настроений не могла знать лирика конфедератов, ибо окружавшая действительность не давала им сколько-нибудь серьезных оснований для оптимизма. Так мы видим, что велико было сходство в темах лирики рокошан и конфедератов, но велико было и различие, вызванное изменением

¹ Czubek, op. cit., стр. 319.

² Ibid., стр. 323—323.

³ Ibid., стр. 350—356.

⁴ Ibid., стр. 324.

⁵ Ibid., стр. 353.

социальных и политических условий. Что касается литературных приемов, применяемых рокошанами и конфедератами, то они оказались, естественно, гораздо более консервативными, и потому мы могли убедиться, что черт сходства между ними в этой области гораздо больше.

Вопрос об отношениях к королю, естественно, должен быть занять известное место в литературе рокошан; однако, вопрос этот в то время не мог еще получить такого значения, как во время Станислава Августа, ибо классовое расслоение внутри самой шляхты не достигало еще таких пределов, как во второй половине XVIII в. Вот почему тема эта непосредственно трактуется рокошанами в гораздо меньшем количестве вещей. Приемы же этой трактовки были более однообразны, чем у конфедератов. Правда, кроме вещей, целиком посвященных «королевским» темам, вопрос этот неоднократно попутно затрагивается в различных элегиях, говорящих вообще о рокоше, но там эта трактовка не получила самостоятельного развития и не могла создать особой прочной литературной традиции.

Возвращаясь к собственно «королевским» стихотворениям, можем их поделить, как и позднейшие произведения конфедератов, на вышедшие из лагеря противников и сторонников короля. Любопытно, однако, что, в противоположность конфедератам, сторонники Сигизмунда III предпочитали не выступать со специальными восхвалениями его деятельности и личности; они ограничивались «сочувственными» упоминаниями о нем в произведениях, посвященных теме более широкого значения. Так, неизвестный автор «Pieśń o rokoszu r. 1606» восклицает:

Król, niewinnością odziany,
Widząc te na się taranu,
Dufa Bogu, sprawuje się,
Na gwałt radnie armuje się.¹

Было это выступление как бы прямым прототипом последующих стихотворений, вышедших из-под пера таких «официальных» защитников короля Станислава Августа, как Нарушевич или Трембецкий. В прямых выступлениях рокошан против короля наблюдался ряд приемов, сходных с темами, которыми пользуются позднее конфедераты. Выше было уже отмечено, что среди рокошан, как сначала и среди конфедератов, существовало более умеренное течение; представители этих группировок хотя и были настроены

¹ Czubek, *op. cit.*, стр. 125.

оппозиционно, однако, не порывали еще окончательно с лагерем короля, пытались давать ему советы в надежде на возможное его «исправление».

Królu, wydaż nam winnych, a sam się porprawuj,
A po drugi raz zgrzeszyć się wagać,¹

воскликает один из таких авторов-рокошан. Другие были настроены более непримиримо и в своих обличениях Сигизмунда III постарались использовать мотивы как общеполитического характера, так и касающиеся его частной жизни. Уже в одном цитированном выше диалоге его упрекали в попытках опереться на «жадных» иезуитов, делались намеки на «влиятельных» женщин при его дворе.² Теперь эти упреки были как бы сведены в одно целое в нескольких остро-сатирических произведениях. Короля упрекали в несправедливой раздаче староств, в невнимательном отношении к государственным делам, в силу которого были утрачены целые территории. Как известно, по мнению рокошан, он был всецело австрийским ставленником:

Nieszczęsny Panie,
W tym twoim stanie
Do czego przyżło,
Że już zawisło
To tu królestwo
I wielkie księstwo
Na złych praktykach,
Rakuskich sztukach.³

В эту систему обвинений неизбежно включались его приближенные, как это было уже в ряде созданных рокошанами элегий и диалогов. Так и в «анти-королевских» стихах снова неизбежно выступает Мышковский, разбогатевший за счет «ограбленного» Радзивилла.⁴ На ряду с ним выступает познанский воевода Гостомский, о котором говорится:

Co jest niecnóć na świecie, to się w onem ciele
Nie pochybnie, możesz to rzec śmieie.⁵

Тут же выводятся Bobola и др., известные и по другим произведениям рокошан. Эти резкие выступления против приближенных короля, несомненно, послужили источником для тех сатирических произведений барских конфе-

¹ Czubek, op. cit., стр. 361.

² Ibid., стр. 38.

³ Ibid., стр. 46.

⁴ Ibid., стр. 45.

⁵ Ibid., стр. 361.

дератов, в которых они выступали против таких сторонников короля, как, напр., бр. Грабовские. Сходство это касается лишь общности тем, но отнюдь не деталей их выполнения. Ведь нужно не забывать, что конфедераты потеряли непосредственную связь с традициями гуманизма; они поэтому насыщают и свои антикоролевские выступления ненавистью к диссидентам. Для них, как мы увидим, Станислав Август представляется «покровителем» еретиков. Рокошане, как раз наоборот, упрекали, как было указано, Сигизмунда в чрезмерно усердном покровительстве, которое тот оказывал иезуитам. При таком основном принципиальном различии ясно, что и приемы полемики в «антикоролевских» стихах рокошан и конфедератов не могли быть тождественны. Форма, напр., коротких одностопных вопросов и ответов, в которую заключена только что цитированная сатира «На короля и его совет», не встречается ни в одной из известных нам сатир на Станислава Августа. То же самое можно сказать о двух, пятисложным стихом написанных, стихотворениях, в которых непримиримо настроенный автор-рокошанин советует королю прямо убегать из Польши:

Ty radź o sobie,
 Wo my już tobie
 Bić nie chcem czołem
 Za swoim stołem,
 My już królowi,
 Z Boga wodzowi,
 Oddamy państwo
 I to królestwo.¹

Если, однако, произведения эти не походят размером на известные нам стихи конфедератов, то по своему непримиримому тону они вполне могли быть источником тех стихов, в которых прямым образом выставлялось требование свержения с престола Станислава Августа. Рокошанин-автор прямо проповедует отказ в послушании Сигизмунду III; мало, однако, этого; он считает необходимым выдвинуть и «положительный» момент своей программы в виде так наз. кандидатуры Пяста, которая в XVII и в начале XVIII в. была иллюзией в кругах средней и мелкой шляхты; действительность неоднократно обнаруживала всю утопичность этих мечтаний о «Пясте», тем не менее они еще много содействовали продвижению кандидатуры Лещинского в 30-х годах XVIII в. Конфедераты в этом отношении настолько уже порвали связь с королевским окружением, что выдвижение новой кандидатуры для

¹ Czubek, op. cit., стр. 46.

них представлялось затруднительным; вот почему большинство из них ограничивается отрицательной характеристикой короля, вкладывая всю свою энергию в борьбу с его окружением. Лишь очень немногие выдвигают еще более иллюзорные планы восстановления саксонской династии, после всех позорных фактов правления Августа II «Сильного» и бездарной политики его сына Августа III. Сходство, таким образом, антикоролевских сюжетов могло быть в силе отрицательной характеристики. Кроме ряда политических ошибок и злоупотреблений, обоим королям ставилась еще в вину «неупорядоченная домашняя жизнь». Хотя нравы двора Сигизмунда III не могли сравниться с той распущенностью, которая характеризовала двор Станислава Августа и Августа III, однако, и некоторые подробности его частной жизни не ушли от внимания озлобленных авторов-рокошан.¹ Вообще же говоря, в смысле обличения эта сторона жизни двора представлена у рокошан в гораздо меньшей степени. В других случаях лишь в неопределенных выражениях указывается на «неблаговидные» поступки короля и его окружения:

Twoje złe sprawy,
 Niecne zabawy
 Toteż sprawiły,
 Że cię zbawiły
 Państwa takiego
 I tak sławnego.²

Наиболее радикально настроенные рокошане, давая королю советы поскорее убраться из Польши, считают необходимым их даже соответственным образом конкретизировать. Так, рекомендуется ему поехать в Швецию — «за селедками»³ (в этом совете сказывается традиционное нетерпимое отношение шляхтича XVII в. к шведам); если же его туда не пустит Карл, то пусть он отправляется в Финляндию; вообще же, по мнению автора, полякам-шляхтичам нечего уже особенно задумываться над тем, куда денется король, только бы он сел на корабль и отплыл в море.⁴ Во всяком случае, его дети, как говорит другой автор, не получают уже польской короны вследствие худых поступков их отца.⁵ Эта сила ненависти и отрицательной характеристики была единственным главным устойчивым момен-

¹ Ср. напр., «Dystychy», Czubek, op. cit., стр. 114—115.

² Czubek, стр. 45.

³ Ibid., стр. 365.

⁴ Ibid., стр. 361.

⁵ Ibid., стр. 44—45.

том в антикоролевских стихах, передавшимся и барским конфедератам. Из других приемов они воспользовались еще своеобразной передачей сатирической молитвы, как на это указывалось уже Кольбушевским.¹ Но и этот прием они распространили и углубили. Настоящее (не только идейное, но и техническое) сходство собственно только и есть в этой антикоролевской «молитве». В остальном, как мы можем убедиться, в виду изменения окружавшей обстановки, конфедераты должны были выдвигать иную точку зрения на этот вопрос, применять другие приемы. В этом смысле можно сказать, что если в других отделах своей литературной продукции они большей частью сужали трактовку предмета, то в области антикоролевских стихов они, наоборот, вынуждены были по-новому затронуть вопрос, осветить его с разных доселе незатрагивавшихся сторон; поэтому эта область их творчества не может быть прямым образом объяснена из того литературного наследства, которое нам оставили рокошане.

Так наз. «кабалистическая» литература, которая стала развиваться под пером конфедератов, хотя и в меньшей степени, однако, была представлена уже у рокошан. Она коренилась в средневековых еще астрологических суевериях. Все развитие гуманистической культуры не смогло, однако, вытеснить эти суеверия. Рей им, напр., отдает полную дань. Однако, только в эпохи острого кризиса классовой борьбы литература эта получила специфическую направленность. В виду того, что кризис начала XVII в. был сравнительно неглубоким и по видимости должен был скоро кончиться, не было надобности в более длительных предсказаниях о его конце. Marcin Paszkowski, получивший, во всяком случае, некоторое гуманистическое образование, автор ряда стихотворных хроник, написал такой «Wykład bogiń słowieńskich»² — «изысканное» по тому времени произведение, в котором он пытался традиционную классическую мифологию заменить своей домашней. Пользование термином «славянский» встречаем уже и у писателей XVI в. и раньше, однако, в столь же неопределенном значении. Ср., напр., у Стрыйковского или «Safu słowieńska» у Кохановского. Конфедераты совсем утратят эту традицию и откажутся от этого термина. Самый прогностик рокошан строится тем же путем, что и у конфедератов; он распадается естественным путем на две части: отрицательную и положительную. В первой преобладают еще элементы вышеотмеченной полубиблейской лирики; говорится, что брат восстанет против брата, что отовсюду

¹ Poezja barska, стр. 33—34.

² Czubek, op. cit., стр. 337—342.

будет слышаться плач и крик бедных людей.¹ По обычной манере, применявшейся уже столько раз в чисто лирических вещах, окажется, что пострадает от всех этих неурядиц «общее благо»:

A dobro pospolite prze wewnętrzne niezgody
Odniesie ciężką żałość i okrutne szkody.²

Все эти бедствия, по мнению автора, находятся в зависимости от движения небесных планет:

Więc to wszystko na świecie będzie się dziać poty,
Poki się nie uśmierzą niebieskie obroty.³

«Положительная» же часть «прогностика» в еще большей степени насыщена элементами «библейской» лирики; оказывается, что скоро наступит время, когда «утешатся невинные сиротки» и «убогий пахарь» будет удовлетворен своей работой. Такая идиллическая картина рисовалась взору рокошан, радовавшихся «примирению» с лагерем короля.

Положение, в котором оказались конфедераты, заставило их еще шире пользоваться этими «кабалами», особенно развивать их «положительную» часть. Чем более эта последняя была иллюзорна, далека от осуществления, тем сильнее влеклось к ней воображение безыскусственных авторов 1770-х гг. Они шире развили это полученное от рокошан наследие, но, несомненно, что этот отдел литературы рокошан послужил им источником для создания данного типа произведений; получив его через посредство литературы Саксонской эпохи, они его лишь развили и дополнили.

Особым отделом, в котором нашла свое отражение лирическая настроенность рокошан, были так наз. «надгробные надписи». И в этом случае мы имеем дело, несомненно, с давней литературной традицией, ведущей свое начало от античных времен, получившей далее широкое применение в гуманистическую эпоху (ср. у Рея, Кохановского) и, наконец, специфически преобразовавшейся в эпоху барокко.

По поводу нанесенного королевскими войсками рокошанам поражения под Гузовом (6 июля 1607 г.), в котором пало много рокошан, неизвестный автор-рокошанин не хочет допустить иной причины этого «несчастья»,

¹ Ibid., стр. 337.

² Ibid., стр. 340.

³ Ibid., стр. 340.

кроме «изменья» «своих».¹ Попутно, разумеется, отмечаются необычайно «высокие» мотивы, которыми павшие руководились в своей борьбе:

Legliście dla wolności, garła położyli
Dla ojczyzny, samsiedzi was z świata zgładzili.²

Далее указывается, как обычно, на то, что потомки вечно будут прославлять их геройские подвиги. В таком виде и с применением сходных приемов и мотивов этот отдел лирики был усвоен конфедератами в таких их вещах, как «Nagrobek Sawy», где имеем все основные элементы данной версии (вымышленные или нет — это другой вопрос): и мотив измены, и героизм подвигов, и награды потомков. Рокошане, однако, не развили отдела сатирических надгробных надписей, частично встречающегося уже у Рея; это сделали зато конфедераты в специфических тонах позднего барокко; таким образом, конфедераты в этом случае расширили те приемы, которые они унаследовали от рокошан.

Как можно было убедиться, литература рокошан была серьезным источником для последующих литературных выступлений конфедератов. Однако, не следует преувеличивать значения этого источника. Хотя литература эта вышла из недр одного и того же класса, однако, в сильно отличающиеся друг от друга моменты его жизни. Поэтому те элементы, которые у рокошан развиты очень сильно, напр., мифологические уподобления, у конфедератов почти отсутствуют. Близость к гуманистической эпохе содействовала большому разнообразию встречающихся у них стилистических и литературных приемов. У них, напр., находим польские и латинские стихи типа так наз. «эхо», где этим эхом служит последнее слово стиха; подобного приема совсем не употребляют известные нам стихи конфедератов. Вообще литература рокошан отражает тот момент в классовой жизни шляхты, когда она еще не разбилась столь резко на два лагеря, и потому в литературе этой участвуют даже некоторые крупнейшие писатели своего времени.

Конфедераты, наоборот, более замкнулись в своей узко-классовой среде, утратили ряд литературных традиций и внесли лишь большее напряжение чувства и более углубленную мотивировку отдельных разделов творчества (напр., «кабалистическая» литература, «антикоролевские стихи», «надгробные надписи» и т. д.).

¹ Czubek, op. cit., стр. 234.

² Ibid., стр. 234.

ГЛАВА III

Литература первой половины XVIII в., как известно, продолжала в основном традиции предшествующей эпохи. Разница заключалась в том, что еще меньше стало «выдающихся» литераторов, заботящихся о своей авторской славе. С другой стороны, сильнее еще стала чувствоваться оторванность от источников западноевропейской культуры. Если, однако, такое различие бросается в глаза, когда речь идет о выдающихся произведениях художественной литературы в собственном смысле этого слова; если справедливо мнение, что ни Cluóbsciński, ни Drużbacka, ни Załuski не могут равняться по силе своего таланта и его характера с Потоцким, Коховским или даже с Твардовским, Морштыном, Опалинским, то в области так наз. «массовой» литературы это различие выступает в гораздо меньшей степени и вполне может быть понято на фоне происшедших тогда изменений в общественной и политической жизни. Струя так наз. классицизма в его специфическом преломлении барокко продолжает действовать и в это время. Только связь с давней традицией становится еще более слабой, еще более делается заметным, что мифологические уподобления выступают лишь в качестве особого балласта, ненужность которого ощущается в достаточной степени самими авторами.

Как и в предшествующую эпоху, в области массовой литературы происходит борьба между этой тенденцией классицизма и стремлением ближе подойти к жизни путем ее непосредственного «реалистического» охвата. Приемы современного «авантюрного» романа, давшего уже тогда столь блестящие результаты в сходной области на Западе, остаются пока неизвестными (первый этого типа «роман» выйдет из-под пера Красицкого лишь во второй половине XVIII в.). Вследствие отсутствия знакомства с приемами такого «реалистического» изображения в его начальной фазе, наши авторы постоянно находятся под угрозой попасть в слишком большую зависимость от изображаемых событий. Отсутствие хотя бы элементарных приемов изображения делает их часто беспомощными перед излагаемыми фактами, которые ведут их за собою. Барокко с его меной стилей — «высокого» и «низкого» приводит силою вещей в этого рода творчестве к решительному преобладанию черт тривиальных. А это обстоятельство лишало рассматриваемую публицистику черт, которые представляются особенно ценными в данном литературном жанре, — а именно умения смотреть шире на данное событие, возможности подметить за данным фактом черты более общего характера, оценить его с этой точки зрения, преподнести

такое объяснение современникам в форме, которая была бы им легко понитной, подействовала бы на их сознание в широком смысле этого слова. Нельзя, правда, сказать, чтобы таких выступлений в первой половине XVIII в. совсем не делалось. Несомненно, напр., что Конарский в этом случае представляет замечательное исключение. Однако, и он начал с трактатов, которые своим кругозором не отличались от выступлений современников; только литературный талант заметно поднимал его уже тогда над другими публицистами. Настоящий же расцвет его деятельности падает на время, которое нас непосредственно здесь не занимает.¹ Что нас еще поражает в публицистике первой половины XVIII в. — это отсутствие достаточно четких устремлений; быть может, тут сыграла свою роль боязнь выразить определенно свое мнение; при непрерывных постоях иностранных войск в Польше того времени высказать слишком откровенно свою точку зрения по вопросам политическим было, разумеется, делом небезопасным. Но кроме этой черты, замечаем еще у среднешляхетского даже класса как бы потерю вкуса к подобного рода рассуждениям. Об этом согласно свидетельствуют *ramiętnikarze* данного времени. Подобное явление могло уже быть естественным следствием начавшегося более интенсивно процесса разложения внутри данного класса. Выступить с проектами реформ, которые могли бы по-настоящему содействовать выходу из перманентного кризиса, в который попал тогда организм шляхетской Речи Посполитой, могли бы только представители других сословий, не имевших тогда права голоса. Шляхта поэтому неохотно берется теперь за перо для освещения этих вопросов. Лишь в наиболее острые моменты борьбы приходится так или иначе реагировать на происходящее. Отчасти это делают непосредственные участники этой борьбы, которые заботятся не столько о пропаганде своих идей, сколько о продвижении своих кандидатов на трон; для осуществления этих целей были, однако, как показал опыт, другие и притом более действительные средства — подкуп, которым широко пользовались теперь борющиеся стороны. Вот почему литературная пропаганда для них была лишь вспомогательным средством, дополнительным оружием, которое само по себе не могло иметь решающего значения. Вследствие такой своей роли публицистика данного времени приобретает еще более бесцветный характер, чем во времена рококо. Если уже тогда было много «анонимных» авторов, то теперь они решительно возобладали. Там, на ряду с анонимами, блистали такие имена, как Шимонович, Мясковский, Гроховский; здесь из

¹ О Конарском см. ценную монографию проф. Конопчинского: *Władysław Konopczyński, Stanisław Konarski, Warszawa, 1926.*

более крупных литераторов только Коуарский и Лещинский, да и те по данному вопросу выступают анонимно. Утрата связи с давними традициями гуманизма отразилась и на характере отделки деталей рассматриваемых произведений. Произведения на латинском языке если не прекратились совсем, то во всяком случае свидетельствуют о том, насколько было утрачено подлинное владение этим языком, столь ярко выступавшее, напр., у Ожеховского, Кохановского или Шимоновича. Теперь латынь ощущается совсем как элемент чуждый, пригодный лишь для того, чтобы показать свою «ученость». Соответственно этому, число стихотворных размеров и разнообразие жанров сокращается по сравнению с тем, что было во время рокоша. Отсутствие прежней умственной энергии, столь бурно вылившейся в борьбе шляхетской «демократии» за свою «вольность», вызвало теперь соответствующее ограничение в области представленных литературных жанров и приемов. Ближайшее, однако, их рассмотрение показывает, что мы имеем тут дело в основном безусловно с теми же элементами, которые уже были представлены в публицистике рокошан. Основные приемы полемики — стремление очернить противника при помощи чисто внешних сопоставлений его фамилии или его черт с тем или иным предметом, беседа с воображаемым противником, ссылка на доблесть предков и достойное всяческого осуждения поведение их потомков — все это попрежнему имеет свое место. Из традиций, унаследованных еще от гуманистической эпохи, продолжает и теперь довольно интенсивную жизнь диалог, преимущественно, разумеется, полемический, иногда аллегорический; оживить, однако, его какими-либо более существенными моментами, приблизить его сколько-нибудь к драме более нового типа по характеру развития действия авторам не удалось, несмотря на то, что на Западе тогда давно уже процветали традиционная классическая трагедия и комедия различных типов. Все это прошло мимо наших авторов, и лишь барские конфедераты постараются, хоть также без более значительного успеха, воспользоваться приемами «комизма» в более широком масштабе.

Лирические жалобы на тяжелое состояние Речи Посполитой попрежнему не всегда легко было отличить от выступлений «диалогических»; обычно более пространные, они иногда пользовались мифологическими уподоблениями, иногда же переходили в непосредственную достаточно «реальную» характеристику тогдашних событий и действующих лиц. Этим путем такие лирические по существу вещи часто приобретали облик «полуэпических» описаний, так что говорить о точном различении жанров в отношении этой литературы вообще затруднительно. Их главным недостатком было то, что отмечено было выше в качестве общей черты этих произведений — отсутствие более широ-

кой перспективы; авторы здесь сильнее всего теряются в ряде мелких фактов, не будучи в состоянии сколько-нибудь над ними подняться. В виду того, что в лирических излияниях автор легче всего мог дать простор любому течению своих мыслей, — тем более, что он здесь не чувствовал себя связанным ни часто меняющимся размером, ни строфичностью (которая встречается здесь лишь изредка), — недостаток этот чувствуется здесь наиболее ярко. Бодрящая струя, которая играла еще довольно заметную роль в лирике рокошан, теперь, в виду изменившихся обстоятельств, совсем почти исчезает — разлагающийся организм шляхетской Речи Посполитой не располагал к особенному оптимизму даже представителей господствующих классов. Если тут теперь и выступают среди множества стенаний и жалоб ноты оптимизма, то они явно представляются искусственным приемом, который нужен «вождям» для того, чтобы поддержать более бодрое настроение в широких кругах. В других же случаях авторы политической литературы этого времени предпочитают избегать даже самой постановки вопроса о более отдаленном будущем, либо, наконец, пытаются «разрешить» его в том смысле, как это было свойственно в ту эпоху, когда пользовались известной популярностью наполненные разными суевериями и предрассудками «*Nowe Ateny*» Бенедикта Хмелевского. Средняя шляхта, воспитывавшаяся преимущественно в иезуитских школах, выносила отсюда узко-клерикальный дух нетерпимости к иноверцам и враждебное отношение к новейшим достижениям культурной жизни на Западе. На первый план теперь выступает ненависть ко всяким «лютрам», которую еще усилят потом конфедераты в условиях новой еще более обостренной борьбы. Если же нужно было все же чем-нибудь заменить утраченный оптимистический взгляд на будущее, то выдвигалось понятие «*Opatrzności*», в качестве последнего пристанища. Тем самым впервые столь ярко демонстрировалось бессилие своего собственного ума.¹

Однако, и в саксонскую эпоху произошло некоторое оживление в области лирической анонимной поэзии, насыщенной политическим содержанием. В связи с наступившим в 30-х годах XVIII в. бескорольем, после смерти Августа II появляется целый ряд памфлетов, различных сатирических характеристик, «плачей», диалогов, «пророчеств», — словом, опять повторяются в основном те отделы анонимной поэтической лирики, которые были уже представлены в эпоху рокоша Зебжидовского и в итальянской литературе XV—XVI вв. В виду того, что произведения эти в подавляющем большинстве случаев до сих пор не появлялись еще в печати, считаю

¹ Общую характеристику саксонской эпохи см. у проф. Иос. Фельдмана: *Czasy Saskie*, Biblijoteka Narodowa, serja I, № 110, и у проф. Конопчинского: *Enc. Akad. Umiej.*, t. V.

необходимым привести здесь по использованным мною рукописям Киевской всенародной библиотеки Украины несколько вещей, знакомство с которыми может наглядно подтвердить выдвигаемое мною в другой моей работе положение, что данная «лирика» представляет собою переходный момент от творчества рокошан к стихам конфедератов; такой характер носит, напр., «Dyskurs pewnego cudzoziemca w potkaniu się z polakiem».

Francuz.

Sługa moy Moście Panie a což to takiego,
Trupać to widzę z krola Augusta naszego.

Polak.

Śmierć nigdy nieuchronna w niczym nieużyta
Bierze krolow y panow, nikogo nie pyta,
Ani się zadney warty y ognistych ludzi
Nie boi, o polnocy z ordynansem budzi.

Francuz.

Przecie — co za racya y co za przyczyna?

Polak.

Nieszanowanie zdrowia, rozumiem, nie inna
Jest śmierci okazyja Krolewskiemu życiu;
Niepomiarowanie iak w Wenerze tak w picciu.

Francuz.

A któż to iest ten Wenus, radbym poznał iego?

Polak.

Iest to dama ta, ktora cale nic dobrego.

Francuz.

Za což to nic dobrego mieć było u Pana?

Polak.

A gdzież iey szukac było lepszey u szatana.

Francuz.

Nie mogłże persuadere iaki iezuita
De habende cura et conservanda vita.

Polak.

Mowili, nie pomogło, miał w tym wielkie gusta.

Francuz.

To tez to ziadło króla naszego Augusta.

Polak.

Druga-niedbał o wczasy y sypiania w nocy
Piiał trunki gorące dufaiąc swej mocy.

Francuz.

Toto nie dosyć czasem do spania godzina,
Tylko pijąć nie trzeba bardzo siła wina:
Wino trunek gorący, naturę dla tego
Spali prędko w człowieku, choćby żelaznego
Był zdrowia, wszak i August nie był jeszcze stary.

Polak.

Panował lat trzydzieści y sześć czerstwy iary,
A przed tym gdy koronę iemu oddawano,
Lat na ten czas dwadzieścia y siedm rachowano.

Francuz.

To ieszcze nie był stary, iest to wielka szkoda.

Polak.

Iuż ta, co upłynęła, nie wróci się woda.
Tak idzie na tym świecie: kto zdrowie szanuje,
Ten dalsze lata sobie nad zamiar rachuje.

Francuz.

Coż teraz robić będzie cna Rzeczpospolita?

Polak.

A coż mię Wać Mospanie o te rzeczy pyta?
Boskiey to mocy dziło, a co z woli iego
Przydzie do serca panów, to krola takiego
Mieć będziemy polacy, day Boże by syna
Po Auguście obrali — pociecha iedyna,
Była by w Polsce ieszcze, bo iak oyciec rządził
Szczęśliwie, tak też pewnie y syn by nie zbłądził.

F r a n c u z .

Nie rozumiem Mospanie żeby tak być miało,
 Żeby się już Sasowi królować dostało.
 Będzie wielkie hałas y król francuski robił,
 Zechce by Leszczyńskiego koroną ozdobił,
 Ma wielkie pretensye do Polski dla tego,
 Ze exula z korony trzyma Leszczyńskiego.

P o l a k .

Mospanie, coż nam potym, mowmy tak do siebie,
 Żeby był krolem, byłby pogrzeb po pogrzebie —
 Już to stare panowsko do korony dzwigać.

F r a n c u z .

Lepiej za starym chodzić, niż młodego ścigać.

P o l a k .

Druga syn po oycu być godzien by był tego.

F r a n c u z .

Non successivo jure korona dla niego,
 Weszło by to we zwyczaj tak, iak w Saxonii,
 Nie pozwalam bo dobrej nie dałeś... racyi
 Votre serviteur, Monsieur sługa Mości Panie.

P o l a k .

Mam duszoną pieczęnię, proszę z sobą na nie.

F r a n c u z .

Zeurangras ia nie chcę, my was będziem dusić,
 Iak przybędziem z Leszczyńskim, aby was przymusić,
 Żebyscie go przyznali za krola swojego.

P o l a k .

Powiedź wać senatorom, bo mnie nic do tego
 Niechay Pan Bog o wszystkim iak naylepiey radzi,
 By panom dobrze bylo a potym czeladzi,
 Bo czego długo ludzka rada nie wystawi,
 To Bog w jednym momencie wszystko dobrze sprawi,

Nich będzie kto chce krolem, wszakto z wolą bożą,
Choć iedni umieraia, to się drudzy mnożą.¹

Приводимое ниже стихотворение принадлежит к распространенному тогда типу «плачей» и представляет собою как бы надгробную надпись на могиле погибшей уже Польши:

Epitaphia Poloniae

Słusznie zawsze trzech królów Polska odprawuie,
Kiedy zawsze w swych grontach tyleż ich rachuie:
Sasa, Szwedca, Prusaka, których to robota
Jest pod figurą Mirry, kadzidła y złota.
Szwed przyszedł z mirrą gorzką, oni dla tych gości
Radzi, lubo nie chcieli zażyć cierpliwości.
Sas z kadzidlem, bo kiedy przed szwedem uchodził,
Szpetne fakcye zrobił, że Polską zasmrodził,
Więc Betleem a Polska na iedncy są szali.
Tamten się iuż zruynował, Polska się iuż wali
Y wkrótce grobu blizka, iezli Bog obrońca
Nie da iey w tym nierządzie upadać do końca.²

Одним из моментов исключительного обострения политической борьбы в первой половине XVIII в., было вторичное выдвижение кандидатуры Станислава Лещинского на польский престол в 1733 г. Как известно, Лещинский был уже посажен на престол Карлом XII в 1704 г., но потом, в связи с неудачами последнего, он должен был, как его креатура, уступить. Многие факты и перипетии этой борьбы изложены в основательной русской диссертации Герье (хотя ныне и устарелой, но удачно показывающей, как уже тогда Польша стала ареной международной политической борьбы). Публицистическая литература, поддержанная самим Станисла-

¹ Это стихотворение отражало начальный момент борьбы за престол, когда еще недостаточно выяснились силы борющихся сторон и только что было получено известие о смерти короля Августа II; о расстановке этих сил будет сказано ниже. Текст данного произведения печатается по рукописи, шифр которой следующий: «Д. 45, 7218». Некоторые относящиеся к этой же эпохе отрывки были напечатаны в книге В. Герье «Борьба за польский престол в 1733 году», Москва, 1862, и в «Pamiętniku Literackim» за 1913 г. — «Głównie rękopisów Petersburskich — wydała Anna Croisette van der Kop». Обзор источников, имеющих по данному вопросу в разных библиотеках, сделал в статье Яд. Лехицкой (Jadwiga Lechicka) «Pisma polityczne z czasów przedostatniego bezkrólewia», Kwartalnik Historyczny, Roczn., XLI, Lwów, 1927.

² Стихотворение это взято из той же рукописи.

вом Лещинским, который также выступал в качестве автора, получила и теперь богатое развитие, причем попрежнему еще не делалось строгого различия между отдельными литературными жанрами. В сущности, во всей этой богатой рукописной и в редких печатных экземплярах сохранившейся литературе отчетливо можно различить два борющихся лагеря: сторонников Лещинского («станиславцы») и приверженцев будущего короля Августа III («августовцы»). Меткую и справедливую их характеристику дал известный историк Аскенази в своей обширной статье;¹ он не отрицал популярности Лещинского в широких кругах шляхты, однако, вместе с тем первый потребовал снять ореол с «короля философа», который, действительно, в качестве политического деятеля обнаружил более чем посредственные способности, а в качестве черт личного характера — мелочность и полное отсутствие более широкой перспективы. Об Августе говорить много не приходится: его умственная ограниченность стала даже предметом ряда поговорок и пословиц.

В публицистической литературе этого времени, естественно, преобладавшие имели «станиславцы», отстаивавшие кандидатуру Пяста, столь популярную в широких кругах шляхты; «августовцы» пользовались главным образом иностранной поддержкой, а их произведения и со стороны языка и по содержанию гораздо слабее первых.² Новостью здесь было сознание необходимости спешного проведения реформ, и талантливейший представитель публицистики этого времени Станислав Конарский достаточно отчетливо высказался по этому вопросу; в отношении литературной отделки авторы теперь все более теряют связь с эпохой гуманизма, и потому произведения их страдают крайней расплывчатостью изложения, искусственной стилизацией и беспомощностью. В обильных лирических жалобах они распространяются о несчастном положении страны и пускаются в разные наивные предсказания о способах выхода из положения («кабалистика»). Лишь в тех случаях, когда они непосредственно затрагивают наболевший вопрос о королевской кандидатуре, они находят иногда слова более простые и искренние, говорящие кое-что и современному читателю.

Особенно злостные стихи вышли из-под пера одного станиславца, в связи с насильственным вторичным избранием Августа; здесь досталось всем магнатам, приложившим к этому руку за иностранные деньги. Таково сатирическое стихотворение «Eleksya najsańniejszego króla Jmci Augusta III»

¹ См. Sz. Askenazy, Dwa stulecia, т. I.

² Подробнее об этом см. в цитированной выше статье Лехицкой.

по рукописи Всенар. библиотеки Украины, как и другие произведения этого отдела. Уже самое его начало выдержано в тонах абсолютной нетерпимости к своему противнику:

W Grochowie pod Warszawą karczma wyśmienita,
Bez drzwi teraz, bez okon, nie spełna przykryta.

По образу многих других произведений этого типа, все избрание Августа представляется здесь в виде недостойной шулерской игры в карты, во время которой игроки (магнаты) потеряли бубнового туза и сразу же взяли себе вместо него «Cudzoziemca Fryderyka Sasa». Но, по мнению нашего автора, кандидат этот будет столь же полезен для Польши, как «козел в огороде»; такие магнаты, как Радзивилл, Вишневецкий или Любомирский, поддерживавшие его, были либо подкуплены, либо действовали по наговору своих жен. С типом сатирических «молитв» данное стихотворение сближает, помимо его общего ярко публицистического характера, способ непринужденной беседы, в которую автор вступает с каждым из выставляемых им магнатов, причем полное отсутствие отделки сказывается в том, что он ведет свое изложение в смешанном виде: то рассказывает в третьем лице, то, очевидно, в более драматических местах переходит к такой непринужденной беседе и обличениям, как напр.:

Lubomirskich zaś rzeka była zdawna czysta,
Jednak ją pomęciła jedna mieszczałka Krysta.

Здесь—исключительно в третьем лице, а несколько ниже—совсем неожиданный переход:

Y twe imię do Saskiej sekty przywiązała,
Y ciebie z pocziwego we kra zamieniała.

Ниже мы видели, что такой характер непринужденных бесед был свойствен уже королевским «молитвам» рокошан. «Королевские» же произведения времени второго бескоролья отличаются некоторой специфической особенностью, которая объясняется условиями их возникновения. Исследователь (Lecińska), делавший их систематический пересмотр по сохранившимся редким печатным изданиям того времени, отмечает в них ослабление сатирического элемента, в виду того, что подавляющее их большинство вышло из широких кругов шляхты, стоявшей на стороне Станислава; в одной сатири-

ческой беседе между «электами» Август, правда, иронически замечает, что «напрасно Станислав протягивает вторично свою голову к короне», и подчеркивает, что надежды его на широкую помощь шляхты окажутся обманчивыми, но «беседа» все же заканчивается победой Станислава в этом словесном состязании, коль скоро он замечает в конце диалога, что «декрет на Августа уже готов в небе: кто насильственно захватил корону, у того она скоро спадет с головы».

Различные лирические «плачи», беседы аллегорических фигур «свободы» и «духа» должны были подкрепить эту аргументацию «станиславцев»: в них на все лады трактовалось об упадке рыцарского духа среди шляхты, о необходимости опомниться и помочь государству, — все это, примерно, в тех же тонах, только с меньшим напряжением, чем это, лет тридцать спустя, разовьется в публицистических выступлениях барских конфедератов. Различные перипетии политической борьбы получили тут свое отражение, начиная от радостных восклицаний в связи с почти единодушным избранием Станислава и кончая горестными lamentациями в эпоху Дзиковской конфедерации, когда не было уже надежды на благополучный исход; горечь, злоба и разочарование (после неудачи иностранного вмешательства) звучат в этих лирических жалобах, писанных то плохой латынью, то попеременно польско-латинскими стихами:

Haec tua praesens sors est Polonia,
 Excitat cunctos contra te Austria,
 Inundat regnum dura Moschovia,
 Intiat sceptro blarde Saxonia,
 Spectat eventum vicina Prussia

и т. д.

(по рукописи Лен. Гос. публ. библ., опубликованной впервые в книге Герье, стр. 399). Другой озлобленный автор видит уже картину полного развала государственного организма, в котором:

Leges — exleges
 Curia — Furia
 clerus — non verus
 ministri — sinistri
 tribunalia — venalia.¹

¹ В. Герье. Борьба за польский престол в 1733 г., М., 1862, стр. 352.

В параллель к этой мрачной картине можно указать на наивные польские обличения убогого шляхтича, также приходящего в ужас от развала государственного организма: «Czyliś brał za to płace żebys przy kominie pił piwko, lub przy młodej pieścił się dziewczynie?»¹

При отмеченной выше позиции широких кругов шляхты в отношении Лещинского делается понятным, что сатирические выступления против него не могли быть значительными: идея детронизации не созрела еще тогда, она отчетливо смогла проявиться лишь в эпоху барской конфедерации. Зато падение культурного уровня сказалось в увеличивавшейся нетерпимости к иноверцам и вообще иностранцам. Так, по своему характеру публицистическая литература этого времени представляет собою естественный переход от выступлений рокошан, отличающихся еще большой терпимостью и широтой кругозора, — к характерным и боевым лозунгам барских конфедератов. Более приближается к позднему типу королевских «молитв» та часть лирики этого времени, в которой уже отчетливо выступает строфическое построение (пока двустипное) и постоянный рефрен. Очевидно, этот тип стиха должен был облегчить переход от свойственного рокошанам типа «молитвы», когда ее слова были интегральной частью стиха, к тому новому типу, в котором слова эти были рефреном в конце. В таком виде написано, с довольно последовательным проведением аллегорического элемента и даже с претензиями на мифологическую ученость, стихотворение «Konięktura utrzymania się na tronie króla Stanisława» по киевской рукописи, вышедшее из-под пера безусловного сторонника Станислава. В нем автор выражает свою безграничную радость по поводу его избрания и надежду на то, что козни против него иностранцев не увенчаются успехом. Все стихотворение строго выдержано в двустипных строфах с попарной рифмой и коротким трехстишным рефреном, являющимся иногда ответом или развитием мысли, законченной в основной строфе:

Stanisław polak za zgodnemi stany
 Wolnemi głosy regnantem obrany
 Niech mu do korony
 Skłonią świata strony
 Swe zdania.

Так это «единодушное» избрание Станислава наивный автор противопоставляет пражскому заговору, т. е. насильственному избранию Августа в Праге.

¹ Kwartalnik Historyczny, Roczn. XLI, 1927 г., стр. 511.

Основная королевская «молитва» эпохи второго бескоролья представляет собою дальнейший переходный этап от манеры рокошан к выступлениям барских конфедератов. С идеологической стороны ее характеризует ослабление сатирического элемента по причинам, которые выше были охарактеризованы; собственно сатирическими в этом «*Pacierz na stronę króla Stanisława*» (по киевской рукописи) остаются только отдельные реплики против различных недугов Станислава. Но если в содержании этой вещи, следовательно, мы не видим прогресса по сравнению с тем, что дали уже рокошане, то техническая отделка в значительной степени ушла вперед: все слова молитвы получили впервые здесь назначение рефрена — в конце каждого двустишия, и, кроме того, автор стремится вполне выдержать двустишное строфическое построение с попарными рифмами. В виду того, что содержание большей части его произведения носит вполне «серьезный» характер, он считает возможным пользоваться традиционным в эпической поэзии 13-сложным александрийским стихом. В различение отдельных слов молитвы он стремится внести максимальную точность, отделяя даже, напр., слова «отче» от «наш», чего еще не было у рокошан и что останется позднее у конфедератов.

Два примера с «серьезным» и «ироническим» содержанием:

Choć Panie z dalekości przy nas stań, ażeby
Nie jadło partyzanskie imię bez potrzeby

Chleba naszego.

По этим словам можно судить, что стихотворение еще возникло до самого факта приезда Станислава в Польшу и факта его избрания, т. е. не позднее мая 1733 г.

Od monarchy kusego, rodu niemieckiego
Od Sasa, jak od ognia piekła gorącego

Ale nas zbaw.

Ясно, что такому усовершенствованию техники должен был содействовать, помимо общего подъема публицистической волны, еще ряд опытов со стихами, близкими по содержанию, где, как выше уже отмечалось, применялись сходные приемы в подыскании строф и рефренов. Можно сюда еще добавить, напр., одно с большим подъемом написанное стихотворение, где описывается тягостное впечатление, произведенное на многих шляхтичей насильственным избранием Августа III:

Placze pospólstwo, szlachta woła: biada!

Już po nas! — mówi sąsiad do sąsiada

Słońce swobody zaćmiło się czarno,

Że ginie marно.

Тут только другой способ строфического построения, но основные приемы те же.

Цитированный выше «Pacierz na stronę króla Stanisława» своим внешним обликом подходит к тому типу политических произведений, который позднее получил некоторое распространение и в России. Его характеризует, однако, неизвестная русским произведениям острота выражаемой политической мысли, так что с этой точки зрения он служит естественным переходом от выступлений рокошан к лирике барских конфедератов. Считаю необходимым поэтому привести целиком указанное стихотворение по цитированной уже выше киевской рукописи:

Ozdobo cney korony, krolu z nieba dany,
Stanisławie Leszczyński, nam synom kochany

O y c z e.

Czartowska cię carowa w swych chciała mieć rękę,
Bog sprawił, żeś iest ieszcze z miłości i wdzięku

N a s z.

Ten pysznych z tronu strąci, zdarzy godność tobie,
Pokornych tym sposobem sług wywyższy sobie,

K t ó r y ś i e s t.

Jak to szczęście z nieszczęściem twych to cnót iest proba,
Gdy przyznaiesz, że tak iest, Bogu się podoba

W n i e b i e.

Bierzmy przykład w frasunkach bo gdy zleprzykrzemy
Na Boga narzekając, tobie zaś życzemy...

Ś w i e ć s i ę.

W herbowney głowie twoiey Leszczyńskich słynące
Niech będzie przy koronie polskiej iaśniejące

I m i ę t w o i e.

Luboć cesarz z carową, Sas drogę tamnie,
Iednak, że cię chce francuz, y turczyn wotuie

Przyidź.

Gdy Bog y wiara dobrą protekcyą dała,
Polska wielka y mała będzie Litwa cała

Królestwo twoie.

Nie odmieniaj imprezy, znać w tym woła boska
Z utrapieniem iść na tron, woła na cie Polska:

Bądź woła twoia.

Bog mocny ten to sprawi, o co go prosimy;
Moskwę, Sasów wytniemy, a w ten czas będziemy,

Iako w niebie.

Bo iak ich zły początek, tak to się im stanie,
Że iak w niebie ten naród w kontempcie zostanie,

Tak y na ziemi.

Choć Panie z dalekości przy nas stań, ażeby
Nie iadło partyzanskie imię bez potrzeby

Chleba naczego.

Ty zaś, Boże, sporządź to, aby dniem y nocą
Przybywszy król Stanisław zwyciężył swą mocą,

Day nam dzisiaj.

Mamy karę nad sobą, bo też grzechy mamy,
Iednak, Panie, pokornie do ciebie wołamy:

I odpuść nam nasze winy.

Brali twe przysięgaiąc Imię bez przyczyny
Pieniądze, na sumnienie chcey darować winy

Iako y my odpuszczamy
naszym winowajcom.

Racz spoyrzeć okiem swoim na polską koronę,
A dobrze trzymających w nieprzyjazną stronę

Nie wwodź nas.

Niech Stanisław do tronu z łaski twoiey przyidzie,
 Sas zaś, iak iest intruzem, niechay z Polski wyidzie
 Na pokuszenie.

Od monarchy kusego, rodu niemieckiego
 Od Sasa, iak od ognia piekła gorącego...
 Ale nas zbaw.

Mam nadzieję, że cesarz, Sas, Moskwa usiedzie,
 A tak miła oyczyna zawsze wolna będzie
 Ode zlego. Amen.¹

ГЛАВА IV

В польской литературе второй половины XVIII в. замечаем любопытную двойственность: на ряду с бурным развитием, основанным на традициях так наз. вторичного классицизма и рационализма, продолжает жить и развиваться литература, имеющая свои корни в так наз. «сарматской» самобытности, остававшаяся в стороне от культурных веяний, охвативших Западную Европу в XVII—XVIII вв. Можно сказать, что между этими двумя отраслями внешне одной и той же литературы почти не было общего языка, ибо тогда как представители первого течения всецело ушли в подражание и условный стиль античной и французской культуры, второе течение, чуждое такой условности изображения, в сущности еще не хотело даже знать понятия авторства в нашем смысле этого слова, сливаясь в известных своих отделах с так наз. народным устным творчеством. Разница между этими двумя течениями была столь же велика, как между дворцом тогдашнего магната и мелким шляхетским хутором (zaścianek). Причины этого явления понятны: ездившие за границу магнаты имели возможность привозить оттуда новые привычки, гораздо более космополитического характера. Естественным результатом этого было то, что они и у себя дома часто охотнее обращались к иностранной книге, а на окружавшую их «грубость» смотрели с презрением. Проникнутые свойственным XVIII в. скептицизмом, они должны были довольно равнодушно относиться к быстро подвигавшемуся тогда процессу разложения старой Речи Пос-

¹ Как видно из содержания этого стихотворения, оно было написано еще до приезда короля Станислава Лещинского в Польшу и, следовательно, отражает также начальный фазис борьбы за престол. Нет надобности распространяться о том, что оно могло выйти только из рядов ярых сторонников кандидатуры Лещинского.

политой: в противоположность этому, мелкая шляхта все еще судорожно держалась за традиции «золотой свободы» и в духе таких традиций боялась усиления центральной королевской власти. Такая обстановка складывалась к 60-м годам XVIII в., когда впервые появление таких периодических органов, как «Monitor», стало свидетельствовать о глубочайшем сдвиге, происшедшем в умах более образованных людей того времени. Любопытно, однако, что и «Monitor», при всей своей приверженности к идеям «века просвещения», не пропускает случая напасть, вроде нашего Крылова, на слепое подражание всему иностранному; его позиция, следовательно, представляет собою некоторый компромисс между двумя вышеуказанными течениями.

Судьба того литературного движения, которому обычно присваивается название «вторичного классицизма», уже во многих отношениях выяснена, ибо ему уделялось до сих пор, по понятным причинам, преимущественное внимание. Нас же сейчас интересует второе течение, вышедшее из недр мелкого шляхетского люда, несшее черты родной «сарматской» грубости, примитивизма и непосредственности. Оно в своих представителях не блещет такими крупными именами, как Красицкий или Нарушевич, да и вообще его представители не заботятся о литературной славе. Но идеологически оно несколько не менее насыщено переживаниями этой трагической в польской истории эпохи. Только «условность», связывавшая по традиции литературу классическую, здесь была в значительной степени ненужна и потому отброшена; мы наблюдаем, что конфедераты сумели без этой мифологической и прочей условности иногда достаточно ярко отразить свои мысли и, по крайней мере, удовлетворить запросы той аудитории из средней и мелкой шляхты, на которую они прежде всего рассчитывали. В особенности резкое осуждение легкомысленного образа жизни магнатов, их привычек к роскоши и иностранным обычаям — было частым предметом нападков со стороны отстаивавших известные моральные устои конфедератов. Если и официальная печатная литература касалась данного вопроса в ряде своих сатир и комедий, то делала это лишь робко, спорадически и опять-таки условно, ибо каждый автор, выступая под своим именем со слишком резкой и откровенной критикой, рисковал себе нажить много врагов не на жизнь, а на смерть и потому лишь очень редко отваживался на это. Пример же Венгерского показал, к чему может привести слишком далеко идущее осуждение. Здесь же мы имеем дело с литературой, которая вообще для печати не предназначалась и потому презирала подобные соображения. Возникшая в пылу острой политической борьбы, перешедшей вскоре в открытое военное столкновение, поэзия барских конфедератов отражала отчасти политические пам-

флеты, перелагая их в не всегда безупречные стихи, отчасти же в своем непосредственном лирическом подъеме предназначалась для воодушевления бойцов, создавалась как бы в обстановке военного лагеря, похода, отражая давние особенности этого рода произведений — их отрывистость, насыщенность лиризмом.

Это была поэзия, наиболее полно развившаяся в среде барских конферативов в конце 60-х и в начале 70-х годов. Но первый толчок к развитию этой литературы был дан еще событиями 1767 г., особенно резко обнаружившимися разложение, царившее среди таких, напр., представителей аристократии, каким был известный Радзивилл Радзивилович Кочанки; такое царившее в среде аристократии разложение стало тогда все более и более угрожать целостности самого существования Речи Посполитой. Деятельность этих магнатов с достаточной полнотой обнаружилась уже во время так наз. Радомской конференции того же 1767 г. и, несомненно, уже тогда стала мишенью для политической сатиры.

Русское правительство, поддерживавшее партию Чарторыйских при избрании на престол ее кандидата Станислава Августа, скоро убедилось, что возлагавшиеся им надежды на эту креатуру, которая должна была быть послушным орудием в руках русского посланника, не вполне оправдались: король в Польше редко имел настоящую власть, а тем более такой, как Станислав Август, вечно подвергавшийся чуждым влияниям, систематически обнаруживавший полное безволие как раз в самые ответственные моменты. Чарторыйские, получившие на него решающее влияние, вступив в союз с Россией, смотрели на него как на временное зло, от которого нужно будет избавиться, как только будут проведены необходимые реформы, обеспечивавшие целостность существования пошатнувшегося организма шляхетской Речи Посполитой. Для Екатерины и Панина эта их политика стала особенно ясной с того момента, когда они, сохраняя свою вышеуказанную принципиальную точку зрения, отказались заключить предложенный им военный союз с Россией; тем самым они подчеркивали, что не желают стать лишь придатком тогдашнего сильного в военном отношении русского государства. Деньги, щедро потраченные на подкуп шляхты при элекции, и все вообще усилия подчинить Польшу своему влиянию грозили при таких условиях быть совершенно напрасно потерянными; чтобы избежать этого, решено было пустить в ход традиционное так наз. «диссидентское» дело, которое, если не могло встретить прямого сочувствия католического австрийского двора, зато безусловно должно было быть поддержано Пруссией; но, понимая, что фанатически настроенную шляхту трудно было привлечь на

свою сторону лишь одним диссидентским делом, русский посол кн. Репнин стал широко раздавать обещания сохранения старинных шляхетских вольностей, запрещения вводить новые налоги и увеличивать войско; наконец, намекал, в неопределенных, правда, выражениях, на возможность детронизации короля, надеясь привлечь этим к своему делу наиболее непримиримых его противников. Организационная подготовка к новой конфедерации произошла под руководством Репнина в мае 1767 г. в Варшаве, при деятельном участии ряда магнатов, в том числе будущего примаса Подоского. Мелкая шляхта, ненавидевшая короля и Чарторыйских, охотно собиралась на сеймики и подписывала нужные русскому посланнику решения, так что вскоре уже, ссылаясь на полученные 80 тысяч подписей, Репнин мог угрожать королю: «Теперь, ваше королевское величество, вы находитесь всецело в моих руках».¹ Но только две из этих провинциальных конфедераций были собственно диссидентские: одна в Слущке и другая — в Торне. Местом генеральной конфедерации был избран Радом, куда в качестве ее маршалка пригласили известного лиговского магната Карла Радзивилла, непримиримого противника короля и Чарторыйских, человека ограниченного, расточительного, славившегося своими кутежами и легко поддававшегося чужим влияниям. Только теперь, собравшись в Радоме, делегаты провинциальных конфедераций увидели, что их обманули, что главным решением, которое они должны были вынести, было уравнение в правах диссидентов с католиками; однако, сопротивляться было бесполезно, коль скоро Радом был окружен русскими войсками. Были явно нарушены все исторические прерогативы сейма, которому было предложено лишь избрать так наз. «трактатовую делегацию» для разрешения диссидентского вопроса, а самому — разойтись. После того как в ночь с 13 на 14 октября главные предводители оппозиции, епископы краковский Солтык и киевский Залуский, были арестованы, а каменецкий епископ Адам Красинский бежал, не доехав до Варшавы, переодевшись в платье простого жолнера, «делегация» сделала все угодное Репнину, тем самым очевидным образом демонстрируя свое полное бессилие и моральное разложение тех кругов, которые сгруппировались вокруг нее. Поэтому представляется мало убедительной попытка А. Краусгара до известной степени «реабилитировать» некоторых деятелей Радомской конфедерации. «Большинству их, говорит он, нельзя отказать в добрых гражданских намерениях, но ведь они должны были лишь, как

¹ Грабеньский. История польского народа. Перевод со второго польского издания, под редакцией Н. В. Ястребова, СПб., 1910, стр. 273.

ученики, разрабатывать задания, данные им Репниным».¹ Кн. Репнин был последней решающей инстанцией во всех делах. Конечно, нельзя требовать от людей героизма — прямой борьбы с грубой превосходящей их силой. Но ведь теперь хорошо известно, что многие из этих деятелей — тот же Радзивилл, Подоский, Млодзейовский — сами напрашивались в слуги русскому посланнику и, наконец, даже Чарторыйские далеко не всегда оставались на своей принципиальной позиции, хотя официально и не пристали к конфедерации.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы рукописей Ленинградской публичной библиотеки помогают дополнительно осветить именно эту мало привлекательную сторону деятельности радомских конфедератов, которые теперь возбудили не меньшую ненависть, чем король и Чарторыйские. Несомненно, эти документы вышли из кругов литературно необразованной, жившей давними лишь культурными традициями мелкой шляхты; но зато они часто отражают то еще здоровое зерно, которое сохранялось тогда в организме старой Речи Посполитой. Поэтому их авторы исполнены такого гнева и ужаса при виде продажности и разврата, которые господствовали в то время в кругах аристократии. Они пользуются сатирическим жанром, не отдавая себе отчета в том, что такое сатира по существу, не выработав в себе, подобно тому как Красицкий или Нарушевич, ясного представления о различии литературных родов; они не знают своих предшественников в античной и гуманистической литературе, а в большинстве случаев пытаются опереться на свою домашнюю традицию — военные песни XVI—XVII вв., отчасти — на поэзию, возникшую во время бурных событий XVII в. В частности, было уже отмечено, что некоторые подобные выступления напоминают сатирические стихотворения, появившиеся (против короля Сигизмунда III) во время рокопа Зебжидовского. И там и здесь видим такую же безыскусственную внешность и как бы видимость молитвы, хотя содержание абсолютно противоречит такому традиционному внешнему облику.

Из большого числа различных памфлетов, сатирических диалогов и «жалоб», вышедших из-под пера конфедератов, стоит обратить внимание на сатирические характеристики епископов и их поведения во время Радомской конференции, ибо уже в этих сатирах политическая мысль конфедера-

¹ А. Kraushar. *Książę Repnin i Polska w pierwszym czteroleciu panowania Stanisława Augusta (1764—1768)* Wydanie nowe, przejrzone i poprawione, tom I. Warszawa, 1900, стр. 285. Характеристику эпохи и ее главных деятелей см. в монографии Крашевского: «*Polska w czasie trzech rozbiorów*». Warszawa, 1902—3.

тов достигла чрезвычайно высокого напряжения. Привожу эти отрывки из использованной мною рукописи Ленинградской публичной библиотеки:

Kniaź Massalski, biskup wileński.

Zbytnia miłość do króla nad prawa, ojczyznę
 Cóż ci w korzyść daly? Masz bliznę.
 Zgnębiłeś dla przysługi dworu Radziwiłła.
 Narobiliście prawa, nowych rzeczy siła,
 Konfederacya przeszła, pełnomocna pani,
 Odebrała buławy u oycy, ciebie rani,
 Wyrządziwszy dość z tego, z Litwyś umknął cicho
 Za granicę, a w Polsce coraz większe lichy
 Szerzy się przeciw wierze; Rzym, senat upada.
 Gdy Moskwa schyzmatyckie w Polsce prawa składa,
 Zburzona Farsalija, któż nadgrodzi szkody,
 Dokąd się obrócisz, mój biskupie młody?
 Zostawiasz chryzmem ruskim już Polskę ochrzczoną.
 Niemasz wojska, hetmanów, któż będzie obroną?
 Uciekałeś jak złodziej, gdy na sejmie wrzawa:
 Wiąza, łapią biskupów, któż za nich obstawa?
 Dla pokoju milczenia przedsięwziąłeś drogę,
 Poczujesz dizunitów, lutrów bunty, trwogę.
 Zbywać ducha stałego na męki dla wiary,
 Odstąpiłeś owieczek, koscioła i fary;
 Bodaj że, biskup młody, co grać lubi w karty,
 Nie Chrystusową trzodą, lecz pasł raczej czarty.

Krasicki Warmiński.

Ten nowo modny galant mszy nigdy nie miewa,
 Ale tylko z damami sursum corda śpiewa.

Szeptycki płocki.

Biskup płocki Szeptycki biedny kuternoga.
 Ten nie stoi o wiare, o wolnosc, o Boga.
 Szach, łakomic, krzywdziciel, wszędzie się on wtyka.
 Nie biskupem być godzien, młyńskiego kamyka.

Biskup inflantski (Giedrojс.)

Ten modnis Gaszek woli oglądać fryzurę,
Niż się wdać w niebezpieczną wiary awanturę.

Biskup Warmiński (Krasicki).

Biskup Warmiński, gładyż, gładkich sentymentów
Nie lubi mieć o wiarę trudów i zakrętów,
Czyli w tej, czyli w owej wierze żyć jest jedno,
Lepiej zawsze w roskoszy, niżli by to biedno.¹

В связи с исключительно богатым развитием публицистической лирики в эпоху барских конфедератов, тип королевской «смолитвы» в это время достигает известной законченности, после чего уже, естественно, начинается его разложение. Его характеризует абсолютная непримиримость, так что лозунг детроизации становится преобладающим в многочисленных рукописных версиях этих «смолитв»; другой их особенностью было усиление в кругах мелкой шляхты нетерпимости в отношении иноверцев: «лютры» и «кальвинь», разные «еретики» постоянно теперь фигурируют в качестве верных пособников короля во всех его «антигосударственных» поступках. Таким образом, утеряна была окончательно связь с традициями гуманизма и реформации, когда столь настойчиво выдвигалась необходимость мирного сожительства разных толков и направлений. В связи с вышеозначенным содержанием этих стихов, делается понятным, что в них снова и притом ярко возобладали элементы сатиры и злобной иронии. Все произведение попрежнему проводится в виде «непринужденной» беседы с королем. Однако, для столь озлобленных и ярких выпадов делается уже стеснительным «тяжелый» 13-сложный стих, и потому конфедераты предпочитают ему более короткий 11-, 10- и даже иногда 8-сложный стих. С другой стороны, богатая насыщенность идейностью вынуждает их в этих стихах, которые надолго становятся центральными во всех публицистических выступлениях барских конфедератов, перейти к более обширной четырехстишной строфе, позволяющей полнее аргументировать свою основную тен-

¹ Разумеется, эти «характеристики» нуждаются в особых комментариях, которые и даются мною в отдельной работе, специально посвященной данному вопросу. Там же будут помещены целиком и данные сатиры, отрывки из которых были мною сейчас процитированы. Но даже и для тех, кто не входит в подробности разыгрывавшихся тогда в Польше событий, может быть понятно при внимательном чтении этих безыскусственных стихов, какого напряжения тогда достигла политическая борьба.

денцию; система рефрена и размещение слов молитвы остаются те же, что и в эпоху второго бескоролья. Примеры:

Lecz nie ta tobie szczerza moja rada:
 Nie będzie w Polsce żadna o to zwada;
 Idź precz, tak życzę, bo to pewna wszędzie,
 Że Polska nie jest, ani kiedy będzie
 Królestwo twoje.

Та же самая мысль выражена более короткими стихами:

Ale lepiej radzę tobie,
 Myśl po Polsce o żalobie;
 Bo powszechnie słychać wszędzie
 To, że Polska już nie będzie
 Królestwo twoje.

В виду принципиальной значимости столь популярных в свое время антикорольевских «молитв», вышедших из среды конфедератов, полезно будет привести текст одной из них по рукописи Ленинградской публичной библиотеки. Комментарии к этому тексту и сличение его с другими, уже опубликованными, даны мною в другой специально посвященной этому вопросу работе.

Królu zacny Stanisławie, senator w Kalwińskiej sprawie,
 Tyś patronem złych języków, jak i wszystkich heretyków
 Ojczce.

Byłeś naszym ojcem zwany, królem Polski tak obrany,
 Każdy ciebie miał za ojca; teraześ największy zdrajca
 Nasz.

Gdybyś był, jak Bóg przysądził, jako król dobrze sie rządził,
 Nie z lutrami aljanssem, to byś nie był tym wygnańcem,
 Któryś jest.

Ale żeś Boga obraził, korab jego święty skaził,
 I we wszystkie złe sprawy leziesz, toć pewna, że nie będziesz
 W niebesiech.

Da nam Bóg tę łaskę świętą, zemy twoją złość przekłętą
 Z naszej Polski wygubiemy; o to samo też prosimy
 Świeć się.

Boś nas Polaków poniżył, a dyssydentów podwyższył.
 Lepszi nad nas lutrzy, żydzi, więc się nam dla tego brzydzi
 Imię twoje.

Nazywasz się katolikiem, aleś ty jest heretykiem,
 Jeśli się chcesz oto gniewać, oto się do nas odzywać,
 Przydź.

Ale lepiej nie gniewaj się i już z Polski umykaj się,
 Bo już wcale słyhać wszędzie to, że Polska już nie będzie
 Królestwo twoje.

Żaden się król nie odważył, żeby tak był Polskę skaził Bądź.
 Teraz co Polskę skaziło, wszak to wszystko porobiła
 Wola twoja.

Więc pokuty bych ci życzył, by cię djabeł nie zachwycił,
 Kogo czarci w piekle mają, już mu tam tak nie zagrają jak tobie,
 Jako w niebie.

Ale pewnie taka skrucha, która nie z świętego ducha,
 Nie bywa pobudką świętą, więc też w niebie nieprzyjęta,
 Tak i na ziemi.

Boś już dosyć złego czynił, gdyś nam pieniądze odmienił,
 Skarby nasze nam wydarłeś, już też dosyć nam pożarłeś
 Chleba naszego powszedniego.

Przez to każdy głowę zwiesił, drugi pewnie się obwiesił,
 Gdyś nam monetę skasował, więc to, coś nam przedtym pobrał,
 Daj nam dzisiaj.

Jeśli nie chcesz dać dobrocią, to ci pobierzemy...,
 Jak cię z Polski wypędzimy, ale oto też prosimy
 I odpuść nam.

Żemy ciebie tak sądziemy, sprawiedliwie to czynimy,
 Że cię za kióła nie chcą, wiesz to dobrze, że to nie są
 Nasze winy.

Tylko ty sam winien tego, że nie słuchasz ludu twego.
 Słuchałeś kalwinów, panie, będziesz też narzekał na nie,
 Jakojśmy.

Jednak lutry i kalwiny, choć tak wielkie s... syny,
 Ci by już chcieli być w grobie, więc prędzej lutrów,
 O d p u s z c z a m y.

Siedziałeś na polskim tronie, szarpałeś się w tej koronie,
 Uczyniłeś co sam chciałeś, nasze prawo wszystko dałeś
 Naszym winowajcom.

Więc my ciebie już nie chcemy, wiary i prawa bronimy,
 A przy wierze będziem chodzić, a ty idź swych lutrów wodzić,
 A nie wódź nas.

Przyprowadziłeś moskali, którzy nas zniszczyli wcale
 Kież by już za tobą chodził, gdyś nas razem za nim wodził
 Na pokusę.

Niedość, żeś nas ty zaraził, jeszcześ innych przyprowadził,
 Uszy twoje niesłuchały, gdy my do ciebie wołali:
 A l e n a s z b a w.

Już też kara na cię padnie, bo się nie wykręcisz snadnie,
 Każdy już od ciebie stroni, i Moskwa cię nie obroni
 O d z ł e g o.

A my zaś, że Bogu ufamy i Jemu się oddajemy,
 Bóg nas wyrwie z tej paszczęki
 Chwalić go będziem na wieki.

A m e n.

Так, этот тип стихотворений под пером барских конфедератов достиг своего логического конца, и в идеологическом и в техническом отношении; чтобы получить возможность дальнейшего развития, ему нужно было соприкоснуться с вольтерьянскими в широком смысле настроениями, которые тогда существовали среди части магнатов, но этого не случилось, так как среда, из

которой вышли эти произведения, держалась слишком замкнуто и чуждалась новшеств.

Подводя итоги этим довольно длинным экскурсам, можем констатировать, что на русской почве, вследствие отсутствия соответствующих условий ярко выраженной политической борьбы, получившей свое отражение в богатом развитии публицистики, — данный тип произведений не мог надлежащим образом развиваться. Собственно эпоха полного расцвета этих «молитв» под пером барских конфедератов никак не представлена в дошедших до нас произведениях, да и не могла быть представлена, если принять во внимание их яркий антикоролевский характер. Относительно наиболее полное развитие этот тип получает в «молитве» «саксонских крестьян», однако, ее идеологическая пассивность, отсутствие каких-либо призывов к борьбе с испытываемым гнетом и технический способ выполнения делают ее наиболее близкой к типу молитв, распространенных во вторую эпоху из трех нами рассмотренных, т. е. во время второго бескоролья; в этом же нас убеждает и ее двустихное, а не четырехстишное строфическое построение. Хотя я не имею всего польского текста, однако, можно почти не сомневаться в том, что это все-таки тот же тип произведения, что и наше русское стихотворение; в подтверждение к приведенному уже выше можно еще добавить такое сличение:

W tej naszej biedzie niech nam Bóg pomoże,

Przed tobą z płaczem skarżymy się Boże

W niebiesiech.

— Щастливый век наш перервался,

Помощник наш один остался. . . .

. . . На небеси.

Об отсутствии условий для надлежащего развития этого типа произведений на русской почве нагляднее всего свидетельствует и тот факт, что их считали возможным переводить прозой и даже писать в подражание им прозой же новые произведения. Из этих последних вещей «Плач коллежских и титулярных советников», молящих о том, чтобы оставить их неучеными, как предки их были, лучше всего свидетельствует о том, как этот тип произведений не мог привиться, не мог затронуть наиболее большие вопросы тогдашней действительности, а оставался в несвойственной ему роли «улыбательной» сатиры XVIII в.